

Любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://mayakovskyyvladimir.ru/> Приятного чтения!

Любит? не любит? я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский

«Дай хоть последней нежностью выстелить твой уходящий шаг»
«Эльзочка, – сказала Лиля сестре, – не делай такие страшные глаза. Просто я сказала Осе, что мое чувство к Володе проверено, прочно и что я ему теперь жена. И Ося согласен». Этот разговор произошел летом 1918 года на даче Бриков. Эльза Каган наведальась туда проститься со старшей сестрой перед отъездом в Европу. В саду она обнаружила Осипа Брика, его жену Лилю и Владимира Маяковского, сидевшего у ее ног – тихого, счастливого, совсем не похожего на себя. «Да, мы теперь решили навсегда поселиться втроем», – подтвердил Осип Брик. Бедная Эльза решила, что все происходящее – очередной футуристический эпатаж. Однако сильнее недоумения было острое чувство горечи: она все еще любила Маяковского.

Но она же и познакомила их. В июле 1915 года Эльза привела Маяковского к Брикам, которые жили на улице Жуковского (Санкт-Петербург). Лилия была очень хороша собой, соблазнительна, знала секреты оболыщения, умела заинтересовать разговором, восхитительно одевалась. Если ей нравился мужчина и она хотела завести с ним роман – особого труда для нее это не составляло. Она была максималистка, и в достижении цели ничто не могло ее остановить. «Надо внушить мужчине, что он замечательный или даже гениальный, но что другие этого не понимают, – говорила она. – И разрешить ему то, что не разрешают ему дома. Например, курить или ездить, куда вздумается. Ну а остальное сделают хорошая обувь и шелковое досу[1]». Зававно, но, по словам Василия Катаняна, издателя и биографа Маяковского, «поколение за поколением, от школьника до академика считают своим долгом всенародно решать – кого следовало любить Лиле Брик, а кого нет». Это и дало ей основание заметить как-то: «Конечно, Володе хорошо было бы жениться на нашей домработнице Аннушке, подобно тому, как вся Россия хотела, чтобы Пушкин женился на Арине Родионовне. Тогда меня, думаю, оставили бы в покое».

А Маяковский был влюбчив. По воспоминаниям Николая Асеева, поэта-футуриста, на которого сильное влияние оказал Маяковский, влюбляясь в женщин, он «обнимал пустых и чопорных, тоненьких и длинноногих дур». Василий Катанян, однако, категорически не согласен с подобной интерпретацией, считая, что дамы сердца Маяковского были вовсе не такие, просто «Лилия Брик так и оставалась женщиной всей его жизни». Маяковский влюбился в нее с первого взгляда. По ее воспоминаниям: «Это было нападение. Володя не просто влюбился в меня, он напал на меня. Два с половиной года не было у меня спокойной минуты – буквально. Любовь его была безмерна. Но я ему сопротивлялась – меня пугала его напористость, рост, его громада, неумная, необузданная страсть». В первый же вечер, прочитав ей «Облако в штанах», Маяковский попросил разрешения посвятить ей поэму и с того дня посвящал ей каждую строчку всю свою жизнь (за исключением поэмы «Владимир Ильич Ленин», конечно). Позже он назвал день их знакомства «радостнейшей датой».

Любовь Маяковского и Лили Брик не раз подвергалась серьезным испытаниям. В годы, когда революция ломала прежнее искусство, пересматривала все на свете вообще – казалось, что и человеческие взаимоотношения должны найти новую форму. В 1922 году в их отношениях наступил кризис, и причин к тому было множество. Решили расстаться на два месяца, не видеться. Лилия была убеждена – чтобы творить, нужно испытывать мучения, лишения; благополучие губит художника. 6 февраля 1923 года она писала сестре Эльзе в Париж: «Мне в такой степени опостытели Володины: халтура, карты и пр. и пр., что я попросила его два месяца не бывать у нас и обдумать, как он дошел до жизни такой. Если он увидит, что овчинка стоит выделки, то через два месяца я опять приму его. Если же нет – нет, Бог с ним! Прошло уже два месяца: он днем и ночью ходит под моими окнами, нигде не бывает и написал лирическую поэму в 1300 строк!» Очевидно, что Маяковский пошел на эксперимент, результатом чего явилась поэма «Про это».

Впрочем, у Маяковского были романы и с другими женщинами – с Натальей Брюханенко, с Татьяной Яковлевой, с Вероникой Полонской. Были увлечения и у Брик. Но они условились – когда их любовь охладает, они скажут об этом друг другу. И вот в 1925 году Лилия написала Маяковскому, что не испытывает к нему прежних чувств: «Мне кажется, что и ты уже любишь меня много меньше и очень мучиться не будешь». Увы, это Брик только так показалось. Он продолжал любить

Любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
ее, может быть, не так бешено, но продолжал. Брик была натура очень решительная,
поэтому настаивать он не смел, иначе это привело бы к полному разрыву. Время
шло, но боль не проходила:

Я знаю, век уж мой измерен,
Но чтоб продлилась жизнь моя,
Я утром должен быть уверен,
Что с вами днем увижусь я[2].

С 1926 по 1930 год Маяковский и Брики жили втроем в квартире в Гендриковом
переулке (Москва). Они никогда не расставались и выглядели близкими друзьями,
тесно связанными общими интересами, вкусами, делами и бытом. Наталья Брюханенко,
одна из возлюбленных Маяковского, впоследствии рассказывала, что однажды была
свидетелем того, как в столовую, где сидел Маяковский, вошла Брик.

– Володя, дай мне денег на варенье, – сказала она.

– Сколько?

– Двести рублей.

– Пожалуйста.

Он вынул из кармана деньги и положил перед ней. Сумма в двести рублей на варенье
– в те времена – была равна нескольким студенческим стипендиям! Правда, варенье
предназначалось на весь год: ведь в доме Бриков бывало так много гостей!

Власть, авторитет и влияние Лили Брик были настолько велики, что даже своим
возлюбленным Маяковский докладывал, что именно Лиля сказала по поводу его
страданий, как ходила с ним покупать ей костюм и как консультировала насчет
цвета «Рено», который он вез ей в подарок. История с автомобилем знаменательна.
Лиля загорелась этой идеей, ведь она любила все новое, модное. «Это будет очень
современно», – написала она в дневнике. А Маяковский так хотел ее порадовать,
что был готов исполнить любой каприз. Они долго обсуждали марку машины, копили
деньги. Брик научилась вождению, успешно сдала экзамены и получила права. Самой
дешевой маркой машины в то время был «Рено». «Про машину не забудь, – писала
Лиля в Париж Маяковскому в 1928 году. – 1) Предохранители спереди и сзади, 2)
добавочный прожектор сбоку, 3) электрическую прочищалку для переднего стекла, 4)
фонарик сзади с надписью „стоп“, 5) обязательно стрелки электрические,
показывающие, куда поворачивает машина, 6) теплую попону, чтобы не замерзала
вода, 7) на забудь про два добавочных колеса сзади. Про часы с недельным
заводом...» Маяковский сначала отвечал, что с гонорарами плохо, но машину все-таки
купил. Это был четырехместный красавец, снизу светло-серый, а верхняя часть и
крылья – черные. Брик пишет: «Я, кажется, была единственной москвичкой за рулем,
кроме меня управляла машиной только жена французского посла!»

Брик редко ревновала Маяковского. Соня Шамардина была очень красивая девочка,
белокурая, с зелено-голубыми, миндалевидными глазами. Но за ангельской
внешностью скрывался бешеный темперамент и неутолимая жажда жизни. Северянин
был в нее влюблен без памяти. Чуковский тоже за ней ухаживал. Он и познакомил ее
с Маяковским в 1913 году, на одном из вечеров футуристов. «Возвращались однажды
с какого-то концерта-вечера, – вспоминала она много лет спустя. – Небо было
хмурое. Только изредка вдруг блеснет звезда. И тут же стало слагаться
стихотворение: „Послушайте! Ведь, если звезды зажигают – значит, это кому-нибудь
нужно?..“ – держал мою руку в своем кармане и наговаривал о звездах». Шамардина
стала одной из героинь «Облака в штанах» (вторая – одесская художница Мария
Денисова, еще одна возлюбленная Маяковского, правда, не ответившая ему
взаимностью, под впечатлением чего зимой 1914 года он и написал поэму). Впрочем,
«Облако в штанах» посвятили уже Лиле Брик, а бывшая гимназистка Софья Шамардина
вышла замуж за большевика, потом сама стала партийным работником, уже после
смерти поэта отсидела 17 лет в лагерях и закончила свою жизнь в доме для старых
большевиков в Переделкино. Брик до конца своих дней поддерживала с ней хорошие
отношения и часто пересылала в Переделкино конфеты, книги и лекарства.

Единственная женщина Маяковского, к которой Брик ревновала, была Татьяна
Яковлева. Но эта ревность была особенной: поэт посвятил Татьяне стихи, а значит
изменил в творчестве. В неопубликованных записках Брик есть такие строки: «Я
огорчилась, когда Володя прочел „Письмо из Парижа о сущности любви“. Маяковский
на мое огорчение огорчился еще больше меня, уверял, что это пустяки, „копеек за

Любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru тридцать лирической мелочи“ и что он пишет сейчас стихи мне в виде письма, что это будет второе лирическое вступление в поэму о пятилетке (первое „Во весь голос“), что обижаться я на него не вправе, что „мы с тобой в лучшем случае в расчете, что не нужно перечислять взаимные боли и обиды“. Что мне это невыгодно, что я еще останусь перед ним в большом долгу.»

Роковой женщиной в жизни Маяковского считается Вероника Полонская. На нее обратила внимание сама Лиля Брик. Именно она в 1929 году пригласила начинающую актрису МХАТа играть в фильме «Стеклянный глаз», который Осип Брик снимал вместе с режиссером Жемчужным. Отцом Полонской, кстати, был знаменитый король экрана Витольд Полонский, партнер Веры Холодной. От отца актриса унаследовала ослепительную красоту. Роман протекал бурно. Она была замужем, и Маяковский упорно добивался, чтобы она оставила мужа. Воспоминания Полонской были долгое время запрещены, но затем опубликованы. Вероника Витольдовна – свидетель последней минуты жизни поэта. Их объяснение на квартире Маяковского было тяжелым, но перед уходом Полонской Маяковский поцеловал ее, ласково успокоил и пообещал позвонить в пять часов. Она только вышла и сразу же услышала выстрел.

Полонская закричала, заметалась по коридору не в силах заставить себя вернуться. Когда же она все-таки вбежала в комнату, там еще стояло облачко дыма от выстрела. «Владимир Владимирович лежал на ковре, раскинув руки. Глаза у его были открыты, он смотрел прямо вперед на меня и все силился поднять голову. Казалось, он хотел что-то сказать, но глаза были уже неживые. Потом голова упала, и он стал постепенно бледнеть...»

И Брик, и Полонская потом еще долго-долго жили. На протяжении многих лет они встречались, даже симпатизировали друг другу. Брик даже однажды сказала: «Как ужасно поступил Володя по отношению к Норе! Он искалечил ей жизнь, упомянув о ней в предсмертной записке. Ее на следующий день напечатали в газете, все узнали об их романе, муж бросил ее. Уверена, что Володя сделал это не со зла, он хотел обеспечить ее, но объективно – Нора же осталась одна!..» В свою очередь Полонская, узнав о смерти Брик, написала: «Я всегда очень любила Лиличку и глубоко ее уважала.»

Лучшие стихотворения Владимира Маяковского – о любви и посвящены Лиле Брик. Потрясающая по силе лирика:

Завтра забудешь,
что тебя короновал,
что душу цветущую любовью выжег,
и суетных дней взметенный карнавал
растреплет страницы моих книжек...
Слов моих сухие листья ли заставят остановиться, жадно дыша?
Дай хоть
последней нежностью выстелить твой уходящий шаг.

Нина Щербак

По мостовой моей души изъезженной
1912–1915

А вы могли бы?
Я сразу смазал карту будня,
плеснувши краску из стакана;
я показал на блюде студня
косые скулы океана.
На чешуе жестяной рыбы
прочел я зовы новых губ.
А вы
ноктюрн сыграть могли бы
на флейте водосточных труб?
1913

Ночь
Багровый и белый отброшен и скомкан,
в зеленый бросали горстями дукаты,
а черным ладоням сбежавшихся окон
раздали горящие желтые карты.
Бульварам и площади было не странно

Любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
увидеть на зданиях синие тоги.
И раньше бегущим, как желтые раны,
огни обручали браслетами ноги.
Толпа – пестрошерстая быстрая кошка –
плыла, изгибаясь, дверями влекома;
каждый хотел протащить хоть немножко
громаду из смеха отлитого кома.
Я, чувствуя платя зовущие лапы,
в глаза им улыбку протиснул; пугая
ударами в жуть, хохотали арапы,
над лбом расцветивши крыло попугая
1912

Утро
Угрюмый дождь скосил глаза.
А за
решеткой
четкой
железной мысли проводов –
перина.
И на
нее
встающих звезд
легко оперлись ноги.
Но ги –
бель фонарей,
царей
в короне газа,
для глаза
сделала больней
враждующий букет бульварных проституток.
И жуток
шуток.
клюющий смех –
из желтых
ядовитых роз
возрос
зигзагом.
За гам
и жуть
взглянуть
отрадно глазу:
раба
крестов
страдающе-спокойно-безразличных,
гроба
домов
публичных
восток бросал в одну пылающую вазу
1912

Порт
Простыни вод под брюхом были.
Их рвал на волны белый зуб.
Был вой трубы – как будто лили
любовь и похоть медью труб.
Прижались лодки в люльках входов
к сосцам железных матерей.
В ушах оглохших пароходов
горели серьги якорей.
1912

Уличное
В шатрах, истертых ликом цвель где,
из ран лотков сочилась клюква,
а сквозь меня на лунном сельде
скакала крашенная буква.
Вбиваю гулко шага сваи,

Любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
бросаю в бубны улиц дробь я.
Ходьбой усталые трамваи
скрестили блещущие копыя.
Подняв рукой единый глаз,
кривая площадь кралась близко.
Смотрело небо в белый газ
лицом безглазым василиска.
1913

Из улицы в улицу
у –
лица.
Лица
у
догов
годов
рез –
че.
че –
рез
железных коней
с окон бегущих домов
прыгнули первые кубы.
Лебеди шей колокольных,
гнитесь в силках проводов!
В небе жирафий рисунок готов
выпестрить ржавые чубы.
Пестр, как форель,
сын
безузорной пашни.
Фокусник
рельсы
тянет из пасти трамвая,
скрыт циферблатами башни.
Мы завоеваны!
Ванны.
Души.
Лифт.
Лиф души расстегнули,
Тело жгут руки.
Кричи, не кричи:
«Я не хотела!» –
резок
жгут
муки.
Ветер колючий
трубе
вырывает
дымчатой шерсти клочок.
Лысый фонарь
сладо страстно снимает
с улицы
черный чулок.
1913

Вывескам
Читайте железные книги!
Под флейту золоченой буквы
полезут копченые сиги
и золотокудрые брюквы.
А если веселостью песьей
закружат созвездия «Магги» –
бюро похоронных процессий
свои проведут саркофаги.
Когда же, хмур и плачевен,
загасит фонарные знаки,
влюбляйтесь под небом харчевен

Любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
в фаянсовых чайниках маки!
1913

Театры

Рассказ о взлезших на подмосток
аршинной буквою графишь,
и зазывают в вечер с досок
зрачки малеванных афиш.
Автомобиль подкрасил губы
у блеклой женщины Карьера,
а с прилетавших рвали шубы
два огневые фокстерьера.
И лишь светящаяся груша
о тень сломала копыта драки,
на ветке лож с цветами плюша
повисли тягостные фраки.
1913

Кое-что про Петербург
Слезают слезы с крыши в трубы,
к руке реки чертя полоски;
а в неба свисшиеся губы
воткнули каменные соски.
И небу – стихши – ясно стало:
туда, где моря блещет блюдо,
сырой погонщик гнал устало
Невы двугорбого верблюда.
1913

За женщиной

Раздвинув локтем тумана дрожжи,
цедил белила из черной фляжки
и, бросив в небо косые вожжи,
качался в тучах, седой и тяжкий.
В расплаве меди домов полуда,
дрожанья улиц едва хранимы,
дразнимы красным покровом блуда,
рогами в небо вонзались дымы.
Вулканы-бедрца за льдами платий,
колосья грудей для жатвы спелы.
От тротуаров с ужимкой татьей
ревниво взвились тупые стрелы.
Вспугнув копытом молитвы высей,
арканом в небе поймали бога
и, ощипавши с улыбкой крысьей,
глумясь, тащили сквозь щель порога.
Восток заметил их в переулке,
гримасу неба отбросил выше
и, выдрав солнце из черной сумки,
ударил с злобой по ребрам крыши.
1913

я

1.

По мостовой
моей души изъезженной
шаги помешанных
вьют жестких фраз пяты.
Где города
повешены
и в петле облака
застыли
башен
кривые выи –
иду
один рыдать,
что перекрестком
распяты

любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
городовые.

2. Несколько слов о моей жене

Морей неведомых далеким пляжем
идет луна –
жена моя.
Моя любовница рыжеволосая.
За экипажем
крикливо тянется толпа созвездий пестрополосая.
Венчается с автомобильным гаражем,
целуется с газетными киосками,
а шлейфа млечный путь моргающим пажем
украшен мишурными блестками.
А я?
Несло же, палимому, бровей коромысло
из глаз колодцев студеныя ведра.
В шелках озерных ты висла,
янтарной скрипкой пели бедра?
В края, где злоба крыш,
не кинешь блесткой песни.
В бульварах я тону, тоской песков оваян:
ведь это ж дочь твоя –
моя песня
в чулке ажурном
у кофеен!

3. Несколько слов о моей маме
У меня есть мама на васильковых обоях.
А я гуляю в пестрых павах,
вихрастые ромашки, шагом меряя, мучу.
Заиграет вечер на гобоях ржавых,
подхожу к окошку,
веря,
что увижу опять
севшую
на дом
тучу.
А у мамы больной
пробегают народа шорохи
от кровати до угла пустого.
Мама знает –
это мысли сумасшедшей ворохи
вылезают из-за крыш завода Шустова.
И когда мой лоб, венчанный шляпой фетровой,
окровавит гаснущая рама,
я скажу,
раздвинув басом ветра вой:

«Мама.
Если станет жалко мне
вазы вашей муки,
сбитой каблуками облачного танца, –
кто же изласкает золотые руки,
вывеской заломленные у витрин Аванцо?..»

4. Несколько слов обо мне самом
Я люблю смотреть, как умирают дети.
Вы прибося смеха мглистый вал заметили
за тоски хоботом?

А я –
в читальне улиц –
так часто перелистывал гроба том.
Полночь
промокшими пальцами щупала
меня
и забитый забор,
и с каплями ливня на лысине купола
скакал сумасшедший собор.
Я вижу, Христос из иконы бежал,
хитона оветренный край
целовала, плача, слякоть.

любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru

Кричу кирпичу,
слов исступленных вонзаю кинжал
в неба распухшего мякоть:
«Солнце!
Отец мой!
Сжался хоть ты и не мучай!
Это тобою пролитая кровь моя льется дорогою дольней.
Это душа моя
ключьями порванной тучи
в выжженном небе
на ржавом кресте колокольни!
Время!
Хоть ты, хромой богомаз,
лик намалюй мой
в божницу уродца века!
Я одинок, как последний глаз
у идущего к слепым человека!»
1913

Исчерпывающая картина весны
Листочки.
После строчек лис –
точки.
1913

От усталости
Земля!
Дай исцелю твою лысеющую голову
лохмотьями губ моих в пятнах чужих позолот.
Дымом волос над пожарами глаз из олова
дай обовью я впалые груди болот.
Ты! Нас – двое,
ораненных, загнанных ланями,
вздыбилось ржанье оседланных смертью коней.
Дым из-за дома догонит нас длинными дланями,
мутью озлобив глаза догнивающих в ливнях огней.
Сестра моя!
В богадельнях идущих веков,
может быть, мать мне сыщется;
бросил я ей окровавленный песнями рог.
Квакая, скачет по полю
канава, зеленая сыщица,
нас заневолить
веревками грязных дорог.
1913

Любовь
Девушка пугливо куталась в болото,
ширились зловеще лягушечьи мотивы,
в рельсах колебался рыжеватый кто-то,
и укорно в буклях проходили локомотивы.
В облачные пары сквозь солнечный угар
врезалось бешенство ветряной мазурки,
и вот я – озноенный июльский тротуар,
а женщина поцелуи бросает – окурки!
Бросьте города, глупые люди!
Идите голые лить на солнцепеке
пьяные вина в меха-груды,
дождь-поцелуи в угли-щеки.
1913

Мы
Лезем земле под ресницами вылезших пальм
выколоть бельма пустынь,
на ссохшихся губах каналов –
дредноутов улыбки поймать.
Стынь, злоба!
На костер разожженных созвездий

Любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
взвесь не позволю мою одичавшую дряхлую мать.
Дорога – рог ада – пьяни грузовозов храпы!
Дымящиеся ноздри вулканов хмелем расширь!
Перья линиящих ангелов бросим любимым на шляпы,
будем хвосты на боа обрубить у комет, ковыляющих

в ширь.
1913

Шумики, шумы и шумищи
По эхам города проносятся шумы
на шепоте подошв и на громах колес,
а люди и лошади – это только грумы,
следящие линии убегающих кос.
Пронесут девоньки крохотные шумики.
Ящики гула пронесет грузовоз.
Рысак прошуршит в сетчатой тунике.
Трамвай расплещет перекаты гроз.
Все на площадь сквозь туннели пассажей
плывут каналами перекрещенных дум,
где мордой перекошенный, размалеванный

сажей

на царство базаров коронован шум.
1913

Адище города
Адище города окна разбили
на крохотные, сосущие светом адки.
Рыжие дьяволы, вздымались автомобили,
над самым ухом взрывая гудки.
А там, под вывеской, где сельди из Керчи –
сбитый старикашка шарил очки
и заплакал, когда в вечеряющем смерче
трамвай с разбега взметнул зрачки.
В дырах небоскребов, где горела руда
и железо поездов громоздило лаз –
крикнул аэроплан и упал туда,
где у раненого солнца вытекал глаз.
И тогда уже – скомкав фонарей одеяла –
ночь излюбилась, похабна и пьяна,
а за солнцами улиц где-то ковыляла
никому не нужная, дряблая луна.
1913

Нате!
Через час отсюда в чистый переулок
вытечет по человеку ваш обрюзгший жир,
а я вам открыл столько стихов шкатулок,
я – бесценных слов мот и транжир.
Вот вы, мужчина, у вас в усах капуста
где-то недокушанных, недоеденных щей;
вот вы, женщина, на вас белила густо,
вы смотрите устрицей из раковин вещей.
Все вы на бабочку поэтиного сердца
взгромоздитесь, грязные, в калошах

и без калош.

Толпа озверевает, будет тереться,
ощетинит ножки стоглавая вошь.
А если сегодня мне, грубому гунну,
кривляться перед вами не захочется – и вот
я захохочу и радостно плюну,
плюну в лицо вам
я – бесценных слов транжир и мот.
1913

Ничего не понимают
Вошел к парикмахеру, сказал – спокойный:
«Будьте добры, причешите мне уши».

Любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
Гладкий парикмахер сразу стал хвойный,
лицо вытянулось, как у груши.
«Сумасшедший!
Рыжий!» –
запрыгали слова.
Ругань металась от писка до писка,
и до-о-о-о-лго
хихикала чья-то голова,
выдергиваясь из толпы, как старая редиска.
1913

В авто
«Какая очаровательная ночь!»
«Эта,
(указывает на девушку),
что была вчера,
та?»
Выговорили на тротуаре
«поч –
перекинулось на шины
та».
Город вывернулся вдруг.
Пьяный на шляпы полез.
Вывески разинули испуг.
Выплывали
то «О»,
то «S».
А на горе,
где плакало темно
и город
робкий прилез,
поверилось:
обрюзгло «О»
и гадко покорное «S».
1913

Послушайте!
Послушайте!
Ведь, если звезды зажигают,
значит – это кому-нибудь нужно?
Значит – кто-то хочет, чтобы они были?
Значит – кто-то называет эти плевочки
жемчужиной?
И, надрываясь
в метелях полуденной пыли,
врывается к богу,
боится, что опоздал,
плачет,
целует ему жилистую руку,
просит –
чтоб обязательно была звезда! –
клянется –
не перенесет эту беззвездную муку!
А после
ходит тревожный,
но спокойный наружно.
Говорит кому-то:
«Ведь теперь тебе ничего?
Не страшно?
Да?!»
Послушайте!
Ведь, если звезды
зажигают,
значит – это кому-нибудь нужно?
Значит – это необходимо,
чтобы каждый вечер
над крышами
загоралась хоть одна звезда?!

Любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
1914

Кофта фата
Я сошью себе черные штаны
из бархата голоса моего.
Желтую кофту из трех аршин заката.
По Невскому мира, по лощеным полосам его,
профланирую шагом Дон-Жуана и фата.
Пусть земля кричит, в покое обабившись:
«Ты зеленые весны идешь насиловать!»
я брошу солнцу, нагло ослабившись:
«На глади асфальта мне хорошо грассировать!»
Не потому ли, что небо голубо,
а земля мне любовница в этой праздничной чистке,
я дарю вам стихи, веселье, как би-ба-бо,
и острые и нужные, как зубочистки!
Женщины, любящие мое мясо, и эта
девушка, смотрящая на меня, как на брата,
закидайте улыбками меня, поэта, –
я цветами нашу их мне на кофту фата!
1914

А все-таки
Улица провалилась, как нос сифилитика.
Река – сладострастье, растекшееся в слюни.
Отбросив белье до последнего листика,
сады похабно развалились в июне.
Я вышел на площадь,
выжженный квартал
надел на голову, как рыжий парик.
Людам страшно – у меня изо рта
шевелит ногами непрожеванный крик.
Но меня не осудят, но меня не облают,
как пророку, цветами устелят мне след.
Все эти, провалившиеся носами, знают:
я – ваш поэт.
Как трактир, мне страшен ваш страшный суд!
Меня одного сквозь горящие здания
проститутки, как святыню, на руках понесут
и покажут богу в свое оправдание.
И бог заплачет над моею книжкой!
Не слова – судороги, слипшиеся комом;
и побежит по небу с моими стихами под мышкой
и будет, задыхаясь, читать их своим знакомым.
1914

Война объявлена
«Вечернюю! Вечернюю! Вечернюю!
Италия! Германия! Австрия!»
И на площадь, мрачно очерченную черную,
багровой крови пролилась струя!
Морду в кровь разбила кофейня,
зверьем криком багрима:
«Отравим кровью игры Рейна!
Громами ядер на мрамор Рима!»
С неба, изодранного о штыков жала,
слёзы звезд просеивались, как мука в сите,
и подошвами сжатая жалость визжала:
«Ах, пустите, пустите, пустите!»
Бронзовые генералы на граненом цоколе
молили: «Раскуйте, и мы поедем!»
Прощающейся конницы поцелуи цокали,
и пехоте хотелось к убийце – победе.
Громоздящемуся городу уродился во сне
хохочущий голос пушечного баса,
а с запада падает красный снег
сочными клочьями человеческого мяса.
Вздувается у площади за ротой рота,

Любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
у злящейся на лбу вздуваются вены.
«Постойте, шашки о шелк кокоток
вытрем, вытрем в бульварах Вены!»
Газетчики надрывались: «Купите вечернюю!
Италия! Германия! Австрия!»
А из ночи, мрачно очерченной чернью,
багровой крови лилась и лилась струя.
1914

Скрипка и немножко нервно
Скрипка издергалась, упрашивая,
и вдруг разревелась
так по-детски,
что барабан не выдержал:
«Хорошо, хорошо, хорошо!»
А сам устал,
не дослушал скрипкиной речи,
шмыгнул на горящий Кузнецкий
и ушел.
Оркестр чужо смотрел, как
выплакивалась скрипка
без слов,
без такта,
и только где-то
глупая тарелка
вылязгивала:
«Что это?»
«Как это?»
А когда геликон –
меднорожий,
потный,
крикнул:
«Дура,
плакса,
вытри!» –
я встал,
шатаюсь полез через ноты,
сгибающиеся под ужасом пюпитры,
зачем-то крикнул:
«Боже!»,
Бросился на деревянную шею:
«Знаете что, скрипка?
Мы ужасно похожи:
я вот тоже
ору –
а доказать ничего не умею!»
Музыканты смеются:
«Влип как!
Пришел к деревянной невесте!
Голова!»
А мне – наплевать!
Я – хороший.
«Знаете что, скрипка?
давайте –
будем жить вместе!
А?»
1914

Еще Петербург
В ушах обрывки теплого бала,
а с севера – снега седей –
туман, с кровожадным лицом каннибала,
жевал невкусных людей.
Часы нависали, как грубая брань,
за пятым навис шестой.
А с неба смотрела какая-то дрянь
величественно, как Лев Толстой.
1914

любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru

Вам!

Вам, проживающим за оргией оргию,
имеющим ванную и теплый клозет!
Как вам не стыдно о представленных

к Георгию

вычитывать из столбцов газет?!
Знаете ли вы, бездарные, многие,
думающие, нажраться лучше как, –
может быть, сейчас бомбой ноги
выдрало у Петрова поручика?..
Если б он, приведенный на убой,
вдруг увидел, израненный,
как вы измазанной в котлете губой
похотливо напеваετε Северянина!
Вам ли, любящим баб да блюда,
жизнь отдавать в угоду?!
Я лучше в баре блядям буду
подавать ананасную воду!
1915

Гимн судье
По Красному морю плывут каторжане,
трудом выгребая галеру,
рыком покрыв кандальное ржанье,
орут о родине Перу.
О рае Перу орут перуанцы,
где птицы, танцы, бабы
и где над венцами цветов померанца
были до небес баобабы.
Банан, ананасы! Радостей гряда!
Вино в запечатанной посуде..
Но вот неизвестно зачем и откуда
на Перу наперли судьи!
И птиц, и танцы, и их перуанок
кругом обложили статьями.
Глаза у судьи – пара жестянок
мерцает в помойной яме.
Попал павлин оранжево-синий
под глаз его строгий, как пост, –
и вылинял моментально павлиний
великолепный хвост!
А возле Перу летали по прерии
птички такие – колибри;
судья поймал и пух и перья
бедной колибри выбрил.
И нет ни в одной долине ныне
гор, вулканом горящих.
Судья написал на каждой долине:
«Долина для некурящих».
В бедном Перу стихи мои даже
в запрете под страхом пыток.
Судья сказал: «Те, что в продаже,
тоже спиртной напиток».
Экватор дрожит от кандалных звонов.
А в Перу бесптичье, безлюдье..
Лишь, злобно забившись под своды законов,
живут унылые судьи.
А знаете, все-таки жаль перуанца.
Зря ему дали галеру.
Судьи мешают и птице, и танцу,
и мне, и вам, и Перу.
1915

Военно-морская любовь
По морям, играя, носится
с миноносцем миноносица.
Льнет, как будто к меду осочка,

любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
к миноносцу миноносочка.
И конца б не довелось ему,
благодарушью миноносъему.
Вдруг прожектор, вздев на нос очки,
впился в спину миноносочки.
Как взревет медноголосина:
«Р-р-р-астакая миноносина!»
Прямо ль, влево ль, вправо ль бросится,
а сбежала миноносица.
Но ударить удалось ему
по ребру по миноносъему.
Плач и вой морями носится:
овдовела миноносица.
И чего это несносен нам
мир в семействе миноносином?
1915

Гимн здоровью
Среди тонконогих, жидких кровью,
трудом поворачивая шею бычью,
на сытый праздник тучному здоровью
людей из мяса я зычно кличу!
Чтоб бешеной пляской землю овить,
скучную, как банка консервов,
давайте весенних бабочек ловить
сетью ненужных нервов!
И по камням острым, как глаза ораторов,
красавцы-отцы здоровых томов,
поташим мордами умных психиатров
и бросим за решетки сумасшедших домов!
А сами сквозь город, иссохший как Онания,
с толпой фонарей желтолицых, как скопцы,
голодным самкам накормим желанья,
поросшие шерстью красавцы-самцы!
1915

Теплое слово кое-каким порокам
Почти гимн

Ты, который трудишься, сапоги ли чистишь,
бухгалтер или бухгалтерова помощница,
ты, чье лицо от дел и тощищи
помятое и зеленое, как трешница.
Портной, например. Чего ты ради
эти брюки принес к примерке?
У тебя совершенно нету дядей,
а если есть, то небогатый, не мрет и не в Америке.
Говорю тебе я, начитанный и умный:
ни Пушкин, ни Щепкин, ни Врубель
ни строчке, ни позе, ни краске надуманной
не верили – а верили в рубль.
Живешь утюжить и ножницами раниться.
Уже сединою бороду перевил,
а видел ты когда-нибудь, как померанец
растет себе и растет на дереве?
Потеете и трудитесь, трудитесь и потеете,
вытелятся и вытянутся какие-то дети,
мальчики – бухгалтеры, девочки – помощницы, те и те
будут потеть, как потели эти.
А я вчера, не насилуемый никем,
просто,
снял в «железку» по шестой руке
три тысячи двести – со ста.
Ничего, если, приложивши палец ко рту,
зубоскалят, будто помог тем,
что у меня такой-то и такой-то туз
мягко помечен ногтем.

любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
Игроческие очи из ночи
блестели, как два рубля,
я разгружал кого-то, как настойчивый рабочий
разгружает трюм корабля.
Слава тому, кто первый нашел,
как без труда и хитрости,
чистоплотно и хорошо
карманы ближнему вывернуть и вытрясти!
И когда говорят мне, что труд, и еще, и еще
будто хрен натирают на заржавленной терке
я ласково спрашиваю, взяв за плечо:
«А вы прикупаете к пятерке?»
1915

Вот так я сделался собакой
Ну, это совершенно невыносимо!
Весь как есть искусан злобой.
Злюсь не так, как могли бы вы:
как собака лицо луны гололобой –
взял бы
и все обвыл.
Нервы, должно быть...
Выйду,
погуляю.
И на улице не успокоился ни на ком я.
Какая-то прокричала про добрый вечер.
Надо ответить:
она – знакомая.
Хочу.
Чувствую –
не могу по-человечьи.
Что это за безобразие!
Сплю я, что ли?
Ощупал себя:
такой же, как был,
лицо такое же, к какому привык.
Тронул губу,
а у меня из-под губы –
клык.
Скорее закрыл лицо, как будто сморкаюсь.
Бросился к дому, шаги удвоив.
Бережно огибаю полицейский пост,
вдруг оглушительное:
«Городовой!
Хвост!»
Провел рукой и – остолбенел!
Этого-то,
всяких клыков почище,
я и не заметил в бешеном скаче:
у меня из-под пиджака
развеерился хвостике
и вьется сзади,
большой, собачий.
Что теперь?
Один заорал, толпу растя.
Второму прибавился третий, четвертый.
Смяли старушонку.
Она, крестясь, что-то кричала про черта.
И когда, ощетинив в лицо усища-веники,
толпа навалилась,
огромная,
злая,
я стал на четвереньки
и залаял:
Гав! гав! гав!
1915

Кое-что по поводу дирижера

Любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
В ресторане было от электричества рыжоз.
Кресла облиты в дамскую мякоть.
Когда обиженный выбежал дирижер,
приказал музыкантам плакать.
И сразу тому, который в бороду
толстую семгу вкусно нес,
труба – изловчившись – в сытую морду
ударил горстью медных слез.
Еще не успел он, между икотами,
выпихнуть крик в золотую челюсть,
его избитые тромбонами и фаготами
смяли и скакали через.
Когда последний не дополз до двери,
умер щекою в соусе,
приказав музыкантам выть по-зверьи –
дирижер обезумел вовсе!
В самые зубы туше опобенной
втиснул трубу, как медный калач,
дул и слушал – раздутым удвоенный,
мечется в брюхе плач.
Когда наутро, от злобы не евший,
хозяин принес расчет,
дирижер на люстре уже посиневший
висел и синел еще.
1915

Великолепные нелепости
Бросьте!
Конечно, это не смерть.
Чего ей ради ходить по крепости?
Как вам не стыдно верить
нелепости?!
Просто именинник устроил карнавал,
выдумал для шума стрельбу и тир,
а сам, по-жабы присев на вал,
вымаргивается, как из мортир.
Ласков хозяина бас,
просто – похож на пушечный.
И не от газа маска,
а ради шутки игрушечной.
Смотрите!
Небо мерить
выбежала ракета.
Разве так красиво смерть
бежала б в небе паркета!
Ах, не говорите: «Кровь из раны».
Это – дико!
Просто избранных из бранных
одаривали гвоздикой.
Как же иначе?
Мозг не хочет понять
и не может:
у пушечных шей
если не целоваться,
то – для чего же
обвиты руки траншей?
Никто не убит!
Просто – не выстоял.
Лег от Сены до Рейна.
Оттого что цветет,
одуряет желтолистая
на клумбах из убитых гангрена.
Не убиты,
нет же,
нет!
Все они встанут
просто –
вот так,

любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
вернутся
и, улыбаясь, расскажут жене,
какой хозяин весельчак и чудак.
Скажут: не было ни ядр, ни фугасов
и, конечно же, не было крепости!
Просто именинник выдумал массу
каких-то великолепных нелепостей!
1915

Мое к этому отношение
Гимн еще почтее

Май ли уже расцвел над городом,
плачет ли, как побитый, хмуренький декабрик, –
весь год эта пухлая морда
маячит в дымах фабрик.
Брюшком, обвисшим и гаденьким,
лежит на воздушном откосе,
и пухлые губы бантиком
сложены в 88.
Внизу суетятся рабочие,
нищий у тумбы виден,
а у этого брюхо и все прочее –
лежит себе сыт, как Сытин.
Вкусной слюны разлились волны,
во рту громадном плещутся, как в бухте,
А полный! Боже, до чего он полный!
Сравнить если с ним, то худ и Апухтин.
Кони ли, цокая, по асфальту мчатся,
шарканье пешеходов ли подвернется под взгляд ему,
а ему все кажется: «Цаца! Цаца!» –
кричат ему, и все ему нравится, проклятому.
Растет улыбка, жирна и нагла,
рот до ушей разросся,
будто у него на роже спектакль-гала
затягла труппа малороссов.
Солнце взойдет, и сейчас же луч его
ему щекочет пятки холеные,
и луна ничего не находит лучшего.
Объявляю всенародно: очень недоволен я.
Я спокоен, вежлив, сдержан тоже,
характер – как из кости слоновой точен,
а этому взял бы да и дал по роже:
не нравится он мне очень.
1915

Пустяк у Оки
Нежно говорил ей –
мы у реки
шли камышами:
«Слышите: шуршат камыши у Оки.
Будто наполнена Ока мышами.
А в небе, лучик сережкой вдев в ушко,
звезда, как вы, хорошая, – не звезда,

а девушка...

А там, где кончается звездочки точка,
месяц улыбается и заверчен, как
будто на небе строчка
из Аверченко...
Вы прекрасно картавите.
Только жалко Италию...»
Она: «Ах, зачем вы давите
и локоть и талию.
Вы мне мешаете
у камыша идти...»
1915

Любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru

Ах, какой прекрасный мерзавец!

1916–1921

Эй!

Мокрая, будто ее облизали,
толпа.

Прокисший воздух плесенью веет.

Эй!

Россия,
нельзя ли
чего поновее?

Блажен, кто хоть раз смог,
хотя бы закрыв глаза,
забыть вас,
ненужных, как насморк,
и трезвых,
как нарзан.

Вы все такие скучные, точно
во всей вселенной нету Капри.

А Капри есть.

От сияний цветочных
весь остров, как женщина в розовом капоре.

Помчим поезда к берегам, а берег
забудем, качая тела в пароходах.

Наоткрываем десятки Америк.

В неведомых полюсах вынежим отдых.

Смотри какой ты ловкий,

а я –

вон у меня рука груба как.

Быть может, в турнирах,

быть может, в боях

я был бы самый искусный рубака.

Как весело, сделав удачный удар,

смотреть, растопырил ноги как.

И вот врага, где предки,

туда

отправила шпаги логика.

А после в огне раззолоченных зал,

забыв привычку спать,

всю ночь напролет провести,

глаза

уткнув в желтоглазый коньяк.

И, наконец, ощетишься, как еж,

с похмельем придя поутру,

неверной любимой грозить, что убьешь

и в море выбросишь труп.

Сорвем ерунду пиджаков и манжет,

крахмальные груди раскрасим под панцирь,

загнем рукоять на столовом ноже,

и будем все хоть на день, да испанцы.

Чтоб все, забыв свой северный ум,

любились, дрались, волновались.

Эй!

Человек,

землю саму

зови на вальс!

Возьми и небо заново вышей,

новые звезды придумай и выставь,

чтоб, исступленно царапая крыши,

в небо карабкались души артистов.

1916

Ко всему

Нет.

Это неправда.

Нет!

И ты?

Любимая,

за что,

любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
за что же?!
Хорошо –
я ходил,
я дарил цветы,
я ж из ящика не выкрал серебряных ложек!
Белый,
сшатался с пятого этажа.
Ветер щеки ожег.
Улица клубилась, визжа и ржа.
Похотливо взлазил рожок на рожок.
Вознес над суетой столичной одури
строгое –
древних икон –
чело.
На теле твоём – как на смертном одре –
сердце
Дни
кончило.
В грубом убийстве не пачкала рук ты.
Ты
уронила только:
«В мягкой постели
он,
фрукты,
вино на ладони ночного столика».
Любовь!
Только в моем
воспаленном
мозгу была ты!
Глупой комедии остановите ход!
Смотрите –
срываю игрушки-латы
я,
величайший Дон-Кихот!
Помните:
под ношей креста
Христос
секунду
усталый стал.
Толпа орала:
«Марала!
Мааарррааала!»
Правильно!
Каждого,
кто
об отдыхе взмолится,
оплюй в его весеннем дне!
Армии подвижников, обреченным добровольцам
от человека пощады нет!
Довольно!
Теперь –
клянусь моей языческой силою! –
дайте
любую
красивую,
юную, –
души не растрочу,
изнасилую
и в сердце насмешку плюну ей!
Око за око!
Севы мести в тысячу крат жни!
В каждое ухо ввой:
вся земля –
каторжник
с наполовину выбритой солнцем головой!
Око за око!
Убьете,
похороните –

любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
выроюсь!

Об камень обточатся зубов ножи еще!
Собакой забьюсь под нары казарм!

Буду,
бешеный,
вгрызаться в ножища,
пахнувшие потом и базаром.
Ночью вскочите!

Я
звал!
Белым быком возрос над землей:
Муууу!

В ярмо замучена шея-язва,
над язвой смерчи мух.
Лосем обернусь,
в провода
впутая голову ветвистую
с налитыми кровью глазами.

Да!
Затравленным зверем над миром выстою.
Не уйти человеку!

Молитва у рта, –
лег на плиты просящ и грязен он.
Я возьму

намалюю
на царские врата
на божьем лице Разина.
Солнце! Лучей не кинь!
Сохните, реки, жажду утолить не дав ему, –
чтоб тысячами рождались мои ученики
трубить с площадей анафему!

И когда,
наконец,
на веков верх и став,
последний выйдет день им, –
в черных душах убийц и анархистов
зажгусь кровавым видением!

Светает.
Все шире разверзается неба рот.
Ночь
пьет за глотком глоток он.
От окон зарево.
От окон жар течет.
От окон густое солнце льется на спящий город.
Святая месть моя!

Опять
над уличной пылью
ступенями строк ввысь поведи!
До края полное сердце
вылью

в исповеди!
Грядущие люди!
Кто вы?

Вот – я,
весь
боль и ушиб.
Вам завещаю я сад фруктовый
моей великой души.
Лиличка
Вместо письма

Дым табачный воздух выел.
Комната –
глава в крученыховском аде.
Вспомни –
за этим окном
впервые

любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
руки твои, исступленный, гладил.
Сегодня сидишь вот,
сердце в железе.
День еще –
выгонишь,
может быть, изругав.
В мутной передней долго не влезет
сломанная дрожью рука в рукав.
Выбегу,
тело в улицу брошу я.
Дикий,
обезумлюсь,
отчаяньем иссечась.
Не надо этого,
дорогая,
хорошая,
дай простимся сейчас.
Все равно
любовь моя –
тяжкая гиря ведь –
висит на тебе,
куда ни бежала б.
Дай в последнем крике вырветь
горечь обиженных жалоб.
Если быка трудом уморят –
он уйдет,
разляжется в холодных водах.
Кроме любви твоей,
мне
нету моря,
а у любви твоей и плачем не вымолишь отдых.
Захочет покоя уставший слон –
царственный ляжет в опожаренном песке.
Кроме любви твоей,
мне
нету солнца,
а я и не знаю, где ты и с кем.
Если б так поэта измучила,
он
любимую на деньги б и славу выменял,
а мне
ни один не радостен звон,
кроме звона твоего любимого имени.
И в пролет не брошусь,
и не выпью яда,
и курок не смогу над виском нажать.
Надо мною,
кроме твоего взгляда,
не властно лезвие ни одного ножа.
Завтра забудешь,
что тебя короновал,
что душу цветущую любовью выжег,
и суетных дней взметенный карнавал
растреплет страницы моих книжек...
Слов моих сухие листья ли
заставят остановиться,
жадно дыша?
Дай хоть
последней нежностью выстелить
твой уходящий шаг.
1916

Издевательство

Павлиньим хвостом распушу фантазию в пестром

цикле,

душу во власть отдам рифм неожиданных рою.

Хочется вновь услышать, как с газетных столбцов

любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru

зацыкали
те,
кто у дуба, кормящего их,
корни рылами роют.
1916

Никчемное самоутешение
Мало извозчиков?
Тешьтесь ложью.
Видана ль шутка плоче чья!
Улицу врасплох огляните –
из рож ее
чья не извозчичья?
Поэт ли
поет о себе и о розе,
девушка ль
в локон выплетет ухо –
вижу тебя,
сошедший с козел
король тракторов,
ёрник и ухарь.
Если говорят мне:
– Помните,
Сидоров
помер? –
не забуду,
удивленный,
глазами смерить их.
О, кому же охота
помнить номер
нанятого тащиться от рождения к смерти?!
Все равно мне,
что они коней не поят,
что утром не начищают дуг они –
с улиц,
с бесконечных козел
тупое
лицо их,
открытое лишь мордобою и ругани.
Дети,
вы еще
остались.
Ничего.
Подростете.
Скоро
в жиденском кулачонке зажмете кнутовище,
матерной руганью потрясая город.
Хожу меж извозчиков.
Шляпу на нос.
Торжественней, чем строчка державинских од.
День еще –
и один останусь
я,
медлительный и вдумчивый пешеход.
1916

Надоело
Не высидел дома.
Анненский, Тютчев, Фет.
Опять,
тоскою к людям ведомый,
иду
в кинематографы, в трактиры, в кафе.
За столиком.
Сияние.
Надежда сияет сердцу глупому.
А если за неделю

любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
так изменился россиянин,
что щеки сожгу огнями губ ему.
Осторожно поднимаю глаза,
роюсь в пиджачной куче.

«Назад,
наз-зад,
н а з а д!»
Страх орет из сердца.
Мечется по лицу, безнадежен и скучен.
Не слушаюсь.

Вижу,
вправо немножко,
неведомое ни на суше, ни в пучинах вод,
старательно работает над телячьей ножкой
загадочнейшее существо.
Глядишь и не знаешь: ест или не ест он.
Глядишь и не знаешь: дышит или не дышит он.
Два аршина безликого розоватого теста:
хоть бы метка была в уголочке вышита.
Только кольшутся спадающие на плечи
мягкие складки лоснящихся щек.
Сердце в исступлении,
рвет и мечет.

«Назад же!
Чего еще?»
Влево смотрю.
Рот разинул.
Обернулся к первому, и стало иначе:
для увидевшего вторую образину
первый –
воскресший Леонардо да-Винчи.
Нет людей.
Понимаете
крик тысячедневных мук?
Душа не хочет немая идти,
а сказать кому?
Брошусь на землю,
камня корою
в кровь лицо изотру, слезами асфальт омывая.
Истомившимися по ласке губами тысячью поцелуев

покрою
умную морду трамвая.
В дом уйду.
Прилипну к обоям.
Где роза есть нежнее и чайнее?
Хочешь –
тебе
рябое
прочту «Простое как мычание»?
1916

Для истории
Когда все расселятся в раю и в аду,
земля итогами подведена будет –
помните:
в 1916 году
из Петрограда исчезли красивые люди.
1916

Дешевая распродажа
Женщину ль опутываю в трогательный роман,
просто на прохожего гляжу ли –
каждый опасливо придерживает карман.
Смешные!
С нищих –
что с них сжулить?
Сколько лет пройдет, узнают пока –

Любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskiyvladimir.ru
кандидат на сажень городского морга –

я
бесконечно больше богат,
чем любой Пьерпонт Морган.
Через столько-то, столько-то лет
– словом, не выживу –
с голода сдохну ль,
стану ль под пистолет –
меня,
сегодняшнего рыжего,
профессора разучат до последних йот,
как,
когда,
где явлен.
Будет
с кафедры лобастый идиот
что-то молоть о богодьяволе.
Склонится толпа,
лебезяща,
суетна.
Даже не узнаете –
я не я:
облысевшую голову разрисует она
в рога или в сияния.
Каждая курсистка,
прежде чем лечь,
она
не забудет над стихами моими замлеть.
Я – пессимист,
знаю –
вечно
будет курсистка жить на земле.
Слушайте ж:
все, чем владеет моя душа,
– а ее богатства пойдите смертьте ей! –
великолепие,
что в вечность украсит мой шаг,
и самое мое бессмертие,
которое, громяхая по всем векам,
коленипреклоненных соберет мировое вече, –
все это – хотите? –
сейчас отдам
за одно только слово
ласковое,
человечье.
Люди!
Пыля проспекты, топоча рожь,
идите со всего земного лона.
Сегодня
в Петрограде
на Надеждинской
ни за грош
продается драгоценнейшая корона.
За человеческое слово –
не правда ли, дешево?
Пойди,
попробуй, –
как же,
найдешь его!
1916

Лунная ночь
Пейзаж

Будет луна.
Есть уже
немножко.

любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
А вот и полная повисла в воздухе.
Это бог, должно быть,
дивной
серебряной ложкой
роется в звездухе.
1916

Следующий день
вбежал.
Запыхался победы гонец:
«Довольно.
К веселью!
К любви!
Грустящих к черту!
Уныньям конец!»
Какой сногшибательней вид?
Цилиндр на затылок.
Штаны – пила.
Пальмерстон застегнут наглухо.
Глаза –
двум солнцам велю пылать
из глаз
неотразимо наглых.
Афиш подлиннее.
На выси эстрад.
О, сколько блестящего вздора вам!
Есть ли такой, кто орать не рад:
«Маяковский!
Браво!
Маяковский!
Здо-ро-воо!»
Мадам, на минуту!
Что ж, что стара?
Сегодня всем целоваться.
За мной!
Смотрите,
сие – ресторан,
Зал зацвел от оваций.
Лакеи, вин!
Чтобы все сорта.
Что рюмка?
Бочки гора.
Пока не увижу дно,
изо рта
не вырвать блестящий кран...
Домой – писать.
Пока в крови
вино
и мысль тонка.
Да так,
чтоб каждая палочка в «и»
просилась:
«Пусти в канкан!»
Теперь – на Невский.
Где-то
в ногах
толпа – трусящий заяц,
и только
по дамам прокатывается:
«Ах,
какой прекрасный мерзавец!»
1916

Хвои
Не надо.
Не просите.
Не будет елки.
Как же

любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
в лес
отпустите папу?
К нему
из-за леса
ядер осколки
протянут,
чтоб взять его,
хищную лапу.
Нельзя.
Сегодня
горящие блески
не будут лежать
под елкой
в вате.
Там –
миллион смертоносных осок
ужалят,
а раненым ваты не хватит.
Нет.
Не зажгут.
Свечей не будет.
В море
железные чудища лезят.
А с этих чудищ
злые люди
ждут:
не блеснет ли у окон в глазе.
Не говорите.
Глупые речь заводят:
чтоб дед пришел,
чтоб игрушек ворох.
Деда нет.
Дед на заводе.
Завод?
Это тот, кто делает порох.
Не будет музыки.
Рученек
где взять ему?
Не сядет, играя.
Ваш брат
теперь,
безрукий мученик,
идет, сияющий, в воротах рая.
Не плачьте.
Зачем?
Не хмурьте личек.
Не будет –
что же с того!
Скоро
все, в радостном кличе
голоса сплетая,
встретят новое Рождество.
Елка будет.
Да какая –
не обхватишь ствол.
Навесят на елку сиянья разного.
Будет стоять сплошное Рождество.
Так что
даже –
надоест его праздновать.
1916

Себе, любимому, посвящает эти строки автор
четыре.
Тяжелые, как удар.
«Кесарево кесарю – богу богово».
А такому,
как я,

любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
ткнуться куда?
Где для меня уготовано логово?
Если б был я
маленький,
как Великий океан, –
на цыпочки б волн встал,
приливом ласкался к луне бы.
Где любимую найти мне,
такую, как и я?
Такая не уместилась бы в крохотное небо!
О, если б я нищ был!
Как миллиардер!
Что деньги душе?
Ненасытный вор в ней.
Моих желаний разнузданной орде
не хватит золота всех Калифорний.
Если б быть мне косноязычным,
как Дант
или Петрарка!
Душу к одной зажечь!
Стихами велеть истлеть ей!
И слова
и любовь моя –
триумфальная арка:
пышно,
бесследно пройдут сквозь нее
любовницы всех столетий.
О, если б был я
тихий,
как гром, –
ныл бы,
дрожью объял бы земли одряхлевший скит.
Я
если всей его мощью
выреву голос огромный –
кометы заломят горящие руки,
бросятся вниз с тоски.
Я бы глаз лучами грыз ночи –
о, если б был я
тусклый,
как солнце!
Очень мне надо
сияньем моим поить
земли отощавшее лонце!
Пройду,
любовищу мою волоча.
В какой ночи,
бредовой,
недужной,
какими Голиафами я зачат –
такой большой
и такой ненужный?
1916

Последняя петербургская сказка
Стоит император Петр Великий,
думает:
«Запирую на просторе я!» –
а рядом
под пьяные клики
строится гостиница «Астория».
Сияет гостиница,
за обедом обед она
дает.
Завистью с гранита снят,
слез император.
Трое медных
слазят

любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
тихо,
чтоб не спугнуть Сенат.
Прохожие стремились войти и выйти.
Швейцар в поклоне не уменьшил рост.
Кто-то
рассеянный
бросил:
«Извините»,
наступив нечаянно на змеин хвост.
Император,
лошадь и змей
неловко
по карточке
спросили гренадин.
Шума язык не смолк, немея.
Из пивших и евших не обернулся ни один.
И только
когда
над пачкой соломинок
в коне заговорила привычка древняя,
толпа сорвалась, криком сломана:
– жует!
Не знает, зачем они.
Древняя!
Стыдом овихрены шаги коня.
Выбелена грива от уличного газа.
Обратно
по Набережной
гонит гиканье
последнюю из петербургских сказок.
И вновь император
стоит без скипетра.
Змей.
Унынье у лошади на морде.
И никто не поймет тоски Петра –
узника,
закованного в собственном городе.
1916

Подписи к плакатам издательства «Парус»
Царствование Николая Последнего

«Радуйся, Саша!
Теперь водка наша».
«Как же, знаю, Коля, я:
теперь монополия».

Забычивый Николай

«Уж сгною, скручу их уж я!» –
думал царь, раздавши ружья.
Да забыл он, между прочим,
что солдат рожден рабочим.
1917

Сказка о красной шапочке
Жил да был на свете кадет.
В красную шапочку кадет был одет.
Кроме этой шапочки, доставшейся кадету,
ни черта в нем красного не было и нету.
Услышит кадет – революция где-то,
шапочка сейчас же на голове кадета.
Жили припеваючи за кадетом кадет,
и отец кадета и кадетов дед.
Поднялся однажды пребольший ветер,

Любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
в ключья шапчонку изорвал на кадете.
И остался он черный. А видевшие это
волки революции сцапали кадета.
Известно, какая у волков диета.
Вместе с манжетами сожрали кадета.
Когда будете делать политику, дети,
не забудьте сказочку об этом кадете.
1917

* * *

Ешь ананасы, рябчиков жуй,
День твой последний приходит, буржуй.
1917

Тучкины штучки
Плыли по небу тучки.
Тучек – четыре штучки:
от первой до третьей – люди,
четвертая была верблюдик.
К ним, любопытством объятая,
по дороге пристала пятая,
от нее в небосинем лоне
разбежались за слоником слоник.
И, не знаю, спугнула шестая ли,
тучки взяли все – и растаяли.
И следом за ними, гонясь и сжирав,
солнце погналось – желтый жираф.
1917–1918

Весна
Город зимнее снял.
Снега распустили слюнки.
Опять пришла весна,
глупа и болтлива, как юнкер.
1918

Той стороне
Мы
не вопль гениальничанья –
«все дозволено»,
мы
не призыв к ножовой расправе,
мы
просто
не ждем фельдфебельского
«вольно!»,
чтоб спину искусства размять,
расправить.
Гарцуют скелеты всемирного Рима
на спинах наших.
В могилах мало им.
Так что ж удивляться,
что непримиримо
мы
мир обложили сплошным «долоем».
Характер различен.
За целость Венеры вы
готовы щадить веков камарилью.
Вселенский пожар размочалил нервы.
Орете:
«Пожарных!
Горит Мурильо!»
А мы –
не Корнеля с каким-то Расином –
отца, –
предложи на старье меняться, –
мы
и его

Любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
обольем керосином
и в улицы пустим –
для иллюминаций.
Бабушка с дедушкой.
Папа да мама.
Чинопочитанья проклятого тина.
Лачуги рушим.
Возносим дома мы.
А вы нас –
«ловить арканом картинок?!»
Мы
не подносим –
«Готово!
На блюде!
Хлебайте сладкое с чайной ложки!»
Клич футуриста:
были б люди –
искусство приложится.
В рядах футуристов пусто.
Футуристов возраст – призыв.
Изрубленные, как капуста,
мы войн,
революций призы.
Но мы
не зовем обывателей гроба.
У пьяной,
в кровавом пунше,
земли –
смотрите! –
взбухает утроба.
Рядами выходят юноши.
Идите!
Под ноги –
топчите ими –
мы
бросим
себя и свои творенья.
Мы смерть зовем рожденья во имя.
Во имя бега,
паренья,
реянья.
Когда ж
прорвемся сквозь заставы,
и праздник будет за болью боя, –
мы
все украшенья
расставить заставим –
любите любое!
1918

Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче
В сто сорок солнц закат пылал,
в июль катилось лето,
была жара,
жара плыла –
на даче было это.
Пригорок Пушкино горбил
Акуловой горою,
а низ горы –
деревней был,
кривился крыш корою.
А за деревнею –
дыра,
и в ту дыру, наверно,
спускалось солнце каждый раз,
медленно и верно.
А завтра
снова

любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
мир залить
вставало солнце ало.
И день за днем
ужасно злить
меня
вот это
стало.
И так однажды разозлясь,
что в страхе все поблекло,
в упор я крикнул солнцу:
«Слазь!
довольно шляться в пекло!»
Я крикнул солнцу:
«Дармоед!
занежен в облака ты,
а тут – не знай ни зим, ни лет,
сиди, рисуй плакаты!»
Я крикнул солнцу:
«Погоди!
послушай, златолобо,
чем так,
без дела заходить,
ко мне
на чай зашло бы!»
Что я наделал!
Я погиб!
Ко мне,
по доброй воле,
само,
раскинув луч-шаги,
шагает солнце в поле.
Хочу испуг не показать –
и ретируюсь задом.
Уже в саду его глаза.
Уже проходит садом.
В окошки,
в двери,
в щель войдя,
валилась солнца масса,
ввалилось;
дух переведя,
заговорило басом:
«Гоню обратно я огни
впервые с сотворенья.
Ты звал меня?
Чай гони,
гони, поэт, варенье!»
Слеза из глаз у самого –
жара с ума сводила,
но я ему –
на самовар:
«Ну что ж,
садись, светило!»
Черт дернул дерзости мои
орать ему, –
сконфужен,
я сел на уголок скамьи,
боюсь – не вышло б хуже!
Но странная из солнца ясь
струилась, –
и степенность
забыв,
сiju, разговорясь
с светилом постепенно.
Про то,
про это говорю,
что-де заела Роста,
а солнце:

любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru

«Ладно,
не горюй,
смотри на вещи просто!
А мне, ты думаешь,
светить
легко?
– Поди, попробуй! –
А вот идешь –
взялось идти,
идешь – и светишь в оба!»
Болтали так до темноты –
до бывшей ночи то есть.
Какая тьма уж тут?
На «ты»
мы с ним, совсем освоюсь.
И скоро,
дружбы не тая,
бью по плечу его я.
А солнце тоже:
«Ты да я,
нас, товарищ, двое!
Пойдем, поэт,
взорим,
вспоем
у мира в сером хламе.
Я буду солнце лить свое,
а ты – свое,
стихами».
Стена теней,
ночей тюрьма
под солнц двустволкой пала.
Стихов и света кутерьма –
сияй во что попало!
Устанет то,
и хочет ночь
прилечь,
тупая сонница.
Вдруг – я
во всю светаю мочь –
и снова день трезвонится;
Светить всегда,
светить везде,
до дней последних донца,
светить –
и никаких гвоздей!
Вот лозунг мой –
и солнца!
1920

Отношение к барышне
Этот вечер решал –
не в любовники выйти ль нам? –
темно,
никто не увидит нас.
Я наклонился действительно,
и действительно
я,
наклонясь,
сказал ей,
как добрый родитель:
«Страсти крут обрыв –
будьте добры,
отойдите.
Отойдите,
будьте добры».
1920

Горе

Любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
Тщетно отчаянный ветер
бился нечеловече.
Капли чернеющей крови
стынут крышами кровель.
И овдовевшая в ночи
вышла луна одиночить.
1920

* * *

Портсигар в траву
ушел на треть.
И как крышка
блестит
наклонились смотреть
муравьишки всяческие и травишка.
Обалдело дивились
выкрутас монограмме,
дивились сиявшему серебром
полированным,
не стоившие со своими морями и горами
перед делом человеческим
ничего ровно.
Было в диковинку,
слепило зрение им,
ничего не видевшим этого рода.
А портсигар блестел
в окружающее с презрением:
– Эх, ты, мол,
природа!
1920

Гейнеобразное
Молнию метнула глазами:
«Я видела –
с тобой другая.
Ты самый низкий,
ты подлый самый...» –
И пошла,
и пошла,
и пошла, ругая.
Я ученый малый, милая,
громыханья оставьте ваши.
Если молния меня не убила –
то гром мне
ей-богу не страшен.
1920

Мир опять цветами оброс
1922–1929
Париж
Разговорчики с Эйфелевой башней

Обшаркан миллионом ног.
Ишелестен тыщей шин.
Я борозжу Париж –
до жути одинок,
до жути ни лица,
до жути ни души.
Вокруг меня –
авто фантастят танец,
вокруг меня –
из зверорыбьих морд –
еще с Людовиков
свистит вода, фонтанясь.
Я выхожу
на Place de la Concorde[3].
Я жду,

любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
пока,
подняв резную главку,
домовьей слезкою умаяна,
ко мне,
к большевику,
на явку
выходит Эйфелева из тумана.
– Т-ш-ш-ш,
башня,
тише шлепайте! –
увидят! –
луна – гильотинная жуть.
Я вот что скажу
(пришипился в шепоте,
ей
в радиоухо
шепчу,
жужжу):
– Я разагитировал вещи и здания.
Мы –
только согласия вашего ждем.
Башня –
хотите возглавить восстание?
Башня –
мы
вас выбираем вождем!
Не вам –
образцу машинного гения –
здесь
таять от аполлинеровских вирш.
Для вас
не место – место гниения –
Париж проституток,
поэтов,
бирж.
Метро согласились,
метро со мною –
они
из своих облицованных нутр
публику выплюют –
кровью смоят
со стен
плакаты духов и пудр.
Они убедились –
не ими литься
вагонам богатых.
Они не рабы!
Они убедились –
им
более к лицам
наши афиши,
плакаты борьбы.
Башня –
улиц не бойтесь!
Если
метро не выпустит уличный грунт –
грунт
исполосуют рельсы.
Я подымаю рельсовый бунт.
Бойтесь?
Трактиры заступятся стаями?
Бойтесь?
На помощь придет Рив-гош[4].
Не бойтесь!
Я уговорился с мостами.
Вплавь
реку
переплыть

любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
не легко ж!

Мосты,
распялясь от движения злого,
подымутся враз с парижских боков.
Мосты забунтуют.
По первому зову –
прохожих ссыпят на камень быков.
Все вещи вздыбятся.
Вещам невоготу.
Пройдет
пятнадцать лет
иль двадцать,
обдрябнет сталь,
и сами
вещи
тут
пойдут
Монмартрами на ночи продаваться.
Идемте, башня!
К нам!
Вы –
там,
у нас,
нужней!
Идемте к нам!
В блестеньи стали,
в дымах –
мы встретим вас.
Мы встретим вас нежней,
чем первые любимые любимых.
Идем в Москву!
У нас
в Москве
простор.
Вы
– каждой! –
будете по улице иметь.
Мы
будем холить вас:
раз сто
за день
до солнц расчистим вашу сталь и медь.
Пусть
город ваш,
Париж франтих и дур,
Париж бульварных ротозеев,
кончается один, в сплошной складбищась Лувр,
в старье лесов Булонских и музеев.
Вперед!
Шагни четверкой мощных лап,
прибитых чертежами Эйфеля,
чтоб в нашем небе твой израдиило лоб,
чтоб наши звезды пред тобою сдрейфили!
Решайтесь, башня, –
нынче же вставайте все,
разворотив Париж с верхушки и до низу!
Идемте!
К нам!
К нам, в СССР!
Идемте к нам –
я
вам достану визу!
1923

юбилейное

Александр Сергеевич,

разрешите представиться.

любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
Маяковский.

Дайте руку!
Вот грудная клетка.
Слушайте,
уже не стук, а стон;
тревожусь я о нем,
в щенка смирённом львенке.
я никогда не знал,
что столько
тысяч тонн
в моей
позорно легкомыслом головенке.
я тащу вас.
Удивляетесь, конечно?
Стиснул?
Больно?
Извините, дорогой.
У меня,
да и у вас,
в запасе вечность.
Что нам
потерять
часок-другой?!
Будто бы вода –
давайте
мчать болтая,
будто бы весна –
свободно
и раскованно?
В небе вон
луна
такая молодая,
что ее
без спутников
и выпускать рискованно.
я
теперь
свободен
от любви
и от плакатов.
Шкурой
ревности медведь
лежит когтист.
Можно
убедиться,
что земля поката, –
сядь
на собственные ягодицы
и катись!
Нет,
не навяжусь в меланхолишке черной,
да и разговаривать не хочется
ни с кем.
Только
жабры рифм
топырит учащённо
у таких, как мы,
на поэтическом песке.
Вред – мечта,
и бесполезно грезить,
надо
весть
служебную нуду.
Но бывает –
жизнь
встает в другом разрезе,
Страница 36

Любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
 Вот и любви пришел каюк,
 дорогой Владим Владимич.
 Нет, не старость этому имя!
 Т`ушу вперед стрем`я,
 я с удовольствием справлюсь с двоими,
 а разозлить – и с тремя.
 Говорят –
 я темой и-н-д-и-в-и-д-у-а-л-е-н!
 Entre nous[6]... чтоб цензор не нацикал.
 Передам вам – говорят – видали
 даже двух влюбленных членов ВЦИКа.
 Вот – пустили сплетню, тешат душу ею.
 Александр Сергеич, да не слушайте ж вы их!
 Может я один действительно жалею,
 что сегодня нету вас в живых.
 Мне при жизни с вами сговориться б надо.
 Скоро вот и я умру и буду нем.
 После смерти нам стоять почти что рядом:
 вы на Пе, а я на ЭМ.
 Кто меж нами? с кем велите знаться?!
 Чересчур страна моя поэтами нища.
 Между нами – вот беда – позатесался Надсон.
 Мы попросим, чтоб его куда-нибудь на ща!
 А Некрасов Коля,
 он и в карты, сын покойного Алеши, –
 он и в стих, и так неплох на вид.
 Знаете его? вот он –

любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
мужик хороший.

Этот
нам компания –
пускай стоит.
что ж о современниках?!
Не просчитались бы,
за вас
полсотни отдав.
От зевоты
скулы
разворачивает аж!
Дорогойченко,
Герасимов,
Кириллов,
Родов –
какой
одноробразный пейзаж!
Ну Есенин,
мужиковствующих свора.
Смех!
Коровою
в перчатках лаечных.
Раз слушаешь...
но это ведь из хера!
Балалаечник!
Надо,
чтоб поэт
и в жизни был мастак.
Мы крепки,
как спирт в полтавском штофе.
Ну, а что вот Безыменский?!
Так...
ничего...
морковный кофе.
Правда,
есть
у нас
Асеев
Колька.
Этот может.
Хватка у него
моя.
Но ведь надо
заработать сколько!
Маленькая,
но семья.
Были б живы –
стали бы
по Лефу соредатор.
я бы
и агитки
вам доверить мог.
Раз бы показал:
– вот так-то, мол,
и так-то...
Вы б смогли –
у вас
хороший слог.
я дал бы вам
жиркость
и сукна,
в рекламу б
выдал
гумских дам.
(Я даже
ямбом подсюсюкнул,
чтоб только
быть

любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
приятней вам.)

Вам теперь
 пришлось бы
Нынче
 наши перья – штык
 бросить ямб картавый.
 да зубья вил, –
битвы революций
 посерьезнее «Полтавы»,
и любовь
 пограндиознее
 онегинской любви.
Бойтесь пушкинистов.
 Старомозгий Плюшкин,
перышко держа,
 полезет
 с перержавленным.
– Тоже, мол,
 у лефов появился
 Пушкин.
Вот арап!
 а состязается –
 с Державиным..
я люблю вас,
 но живого,
 а не мумию.
Навели
 хрестоматийный глянец.
Вы
 по-моему
 при жизни – думаю –
тоже бушевали.
 Африканец!
Сукин сын Дантес!
 Великосветский шкода.
Мы б его спросили:
 – А ваши кто родители?
Чем вы занимались
 до 17-го года? –
Только этого Дантеса бы и видели.
Впрочем,
 что ж болтанье!
 Спиритизма вроде.
Так сказать,
 невольник чести..
 пулею сражен..
Их
 и по сегодня
 много ходит –
всяческих
 охотников
 до наших жен.
Хорошо у нас
 в Стране советов.
Можно жить,
 работать можно дружно.
Только вот
 поэтов,
 к сожалению, нету –
впрочем, может,
 это и не нужно.
Ну, пора:
 рассвет
 лучища выкалил.
Как бы

любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskiyvladimir.ru
милиционер

На Тверском бульваре разыскивать не стал.
Ну, давайте, очень к вам привыкли.
 подсажу
Мне бы на пьедестал.
 памятник при жизни
Заложил бы полагается по чину.
 динамиту
 – ну-ка,
Ненавижу дрызнь!
 всяческую мертвечину!
Обожаю
 всяческую жизнь!
1924

Тамара и Демон
От этого Терека
 в поэтах
 истерика.
Я Терек не видел.
 Большая потерийка.
Из омнибуса
 вразвалку
сошел,
 поплеывал
 в Терек с берега,
совал ему
 в пену
 палку.
Чего же хорошего?
 Полный развал!
Шумит,
 как Есенин в участке.
Как будто бы
 Терек
 сорганизовал,
проездом в Боржом,
 Луначарский,
Хочу отвернуть
 заносчивый нос
и чувствую:
 стыну на грани я,
овладевает
 мною
 гипноз,
воды
 и пены игранье.
Вот башня,
 револьвером
 небу к виску,
разит
 красотою нетроганой.
Поди,
 подчини ее
 преду искусств –
Петру Семенычу
 Когану.
Стою,
 и злоба взяла меня,
что эту
 дикость и выступления
с такой бездарностью

любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
променял

на славу,

рецензии,

диспуты.

Мне место

не в «Красных нивах»,

а здесь,

и не построчно,

а даром

реветь

стараться в голос во весь,

срывая

струны гитарам.

Я знаю мой ГОЛОС:

паршивый тон,

но страшен

силою ярой.

Кто видывал,

не усомнится,

что

я

был бы услышан Тамарой.

Царица крепится,

взвинчена хоть,

величественно

делает пальчиком.

Но я ей

сразу:

– А мне начхать,

царица вы

или прачка!

Тем более

с песен –

какой гонорар?!

А стирка –

в семью копейка.

А даром

немного дарит гора:

лишь воду –

поди,

попей-ка! –

Взъярилась царица,

к кинжалу рука.

Козой,

из берданки ударенной.

Но я ей

по-своему,

вы ж знаете как –

под ручку...

любезно...

– Сударыня!

Чего кипятитесь,

как паровоз?

Мы

общей лирики лента.

Я знаю давно вас,

мне

много про вас

говаривал

некий Лермонтов.

Он клялся,

что страстью

и равных нет...

Таким мне

мерещился образ твой.

Любви я заждался,

мне 30 лет.

Полюбим друг друга.

любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
Просту.

Да так, чтоб скала
распостелилась в пух.
От черта скраду и от бога я!
Ну что тебе демон?
фантазия!
К тому ж староват – Дух!
Не кинь меня в пропасть, мифология.
От этой ли будь добра.
Мне струшу боли я?
Мне даже пиджак не жаль ободрать,
а грудь и бока – тем более.
Отсюда дашь
хороший удар –
и в Терек
замертво треснется.
В Москве
больнее спускают...
ступеньки считаешь – куда!
я кончил, лестница.
И пусть, и дело мое сторона.
озверев от помарок,
про это пишет себе Пастернак,
А мы... соглашайся, Тамара!
История дальше уже не для книг.
я скромный, и я
бастую.
Сам Демон слетел,
подслушал,
и скрылся, и сник,
смердя
впустую.
К нам Лермонтов сходит,
презрев времена
Сияет –
«Счастливая парочка!»
люблю я гостей. Бутылку вина!
Налей гусару, Тамарочка!
1924
Еду
Билет –
щелк.
Щека –
чмок.
Свисток –
и рванулись туда мы
куда,
как сельди,
в сети чулок

любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
пльвут

 кругосветные дамы.
Сегодня приедет – уроDOM-урод,
а завтра – узнать посмейте-ка:
в одно разубран и город и рот –
помады, огней косметика.
Веселых тянет в эту вот даль.
В Париже грустить?
В Париже Едва ли!
 площадь и та Этуаль,
а звезды – так сплошь этуали.
Засвистывай, трись, врезайся и режь
сквозь Льежи и об Брюссели.
Но нож и Париж, и Брюссель, и Льеж –
тому, кто, как я, обрусели.
Сейчас бы в сани с ногами –
в снегу, как в газетном листе б...
Свисти, заноси снегами
меня, прихерсонская степь...
Вечер, поле, огоньки,
дальняя дорога, –
сердце рвется от тоски,
а в груди – тревога.
Эх, раз,
 еще раз,
стих – в пляс.
Эх, раз,
 еще раз,
рифм хряск.
Эх, раз,
 еще раз,
еще много, много раз...
Люди разных стран и рас,
копая порядков грядки,
увидев,
 как я себя протряс,
скажут:
 в лихорадке.
1925

Прощание
Кафе

любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru

Обыкновенно
мы говорим:
все дороги
приводят в Рим.
Не так
у монпарнасца.
Готов поклясться.
И Рем
и Ромул,
и Ремул и Ром
в «Ротонду» придут
или в «Дом» [7],
В кафе
идут
по сотням дорог,
плывут
по бульварной реке.
Вплываю и я:
«Garçon,
un grog
americain!» [8]
Сначала
слова
и губы
и скулы
кафейный гомон сливал.
Но вот
пошли
вылупляться из гула
и лепятся
фразой
слова.
«Тут
проходил
Маяковский давеча,
хромой –
не видали рази?» –
«А с кем он шел?» –
«С Николай Николаичем», –
«С каким?» –
«Да с великим князем!»
«С великим князем?
Будет врать!
Он кругл
и лыс,
как ладонь.
Чекист он,
послан сюда
взорвать...» –
«Кого?» –
«Буа-дю-Булонь [9].
Езжай, мол, Мишка...»
Другой поправил:
«Вы врете,
противно слушать!
Совсем и не Мишка он,
а Павел.
Бывало сядем –
Павлуша! –
а тут же
его, супруга,
княжна,
брюнетка,
лет под тридцать...» –
«Чья?
Маяковского?
Он не женат». –

Любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
 «Женат – и на императрице».–
 «На ком? Ее же расстреляли...» – «И он
 поверил... Сделайте милость!
 Ее ж Маяковский спас за трильон!
 Она же ж омолодилась!»
 Благоразумный голос: «Да нет,
 вы врете – Маяковский – поэт».–
 «Ну да, – вмешалось двое саврасов, –
 в конце семнадцатого года
 в Москве чекой конфискован Некрасов
 и весь Маяковскому отдан.
 Вы думаете – сам он? Сбондил до иот –
 весь стих, с запятыми, скраден.
 Достанет Некрасова и продает –
 червонцев по десять на день».
 Где вы, свахи? Подымись, Агафья!
 Предлагается жених невиданный.
 Видано ль, чтоб человек с такою биографией
 был бы холост и старел невыданный?!
 Париж, тебе ль, столице столетий,
 к лицу эмигрантская нудь?
 Смахни за ушми эмигрантские сплетни.
 Провинция! – не продохнуть. –
 Я вышел в раздумье – черт его знает!
 Отплюнулся – тьфу напасть!
 Дыра в ушах не у всех сквозная –
 другому может запасть!
 Слушайте, читатели, когда прочтете,
 что с Черчиллем Маяковский дружбу вертит

любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
или

что женился я
то, покорнейше прошу, – на кулиджевской тете,
не верьте.

1925

Бродвей
Асфальт – стекло.

Иду и звеню.
Леса и травинки –
сбриты.
На север

с юга
идут авеню,
на запад с востока –
стриты.

А между –
(куда их строитель завез!) –
дома
невозможной длины.

Одни дома
длиною до звезд,
другие –
длиной до луны.

Янки
подошвами шлепать
ленив:

простой
и курьерский лифт.

В 7 часов
человечий прилив,
в 17 часов –
отлив.

Скрежещет механика,
звон и гам,
а люди
немые в звоне.

И лишь замедляют
жевать чуингам,
чтоб бросить:
«Мек мoneй?»

Мамаша
грудь
ребенку дала.

Ребенок,
с каплями из носу,
сосет
как будто

не грудь, а доллар –
занят
серьезным
бизнесом.

Работа окончена.
Тело обвей
в сплошной
электрический ветер.

Хочешь под землю –
бери собвей,
на небо –
бери элевейтер.

Вагоны
едут
и дымам под рост,
и в пятках

домовых
трутся,
Страница 47

любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
и вынесут

 хвост
и спрячут на Бруклинский мост,
 в норы
Тебя ослепило, под Гудзон.
 ты
Но, осовел.
 как барабанная дробь,
из тьмы по темени:
 «Кофе Максвел
Гуд ту ди ласт друп».
А лампы как станут
ну, я доложу вам – ночь копать,
Налево посмотришь – пламечко!
Направо – мамочка мать!
 мать моя мамочка!
Есть что поглядеть московской братве.
И за день в конец не дойдут.
Это Нью-Йорк. Это Бродвей.
Гау ду ю ду!
Я в восторге от Нью-Йорка города.
Но не сдерну с виска.
У советских собственная гордость:
на буржуев смотрим свысока.
1925
Барышня и Вульворт
Бродвей сдурел. Бегня и гулево.
Дома с небес обрываются
 и висят.
Но даже меж ними заметишь Вульворт.
Корсетная коробка этажей под шестьдесят.
Сверху разведывают
 звезд взводы,
в средних тайпистки[10]
 стрекочат бешено.
А в самом нижнем – «Дрогс сода,
грет энд феймус компани-нейшенал».
А в окошке мисс семнадцати лет
сидит для рекламы и точит ножи.
Ржавые лезвия фирмы «Жиллет»
кладет в патентованный

любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
железный зажим

и гладит
и водит
кожей ремня.
Хотя
усов
и не полагается ей,
но водит
по губке,
усы возомня, –
дескать –
готово,
наточил и брей.
Наточит один
до сияния лучика
и новый ржавый
берет для возни.
Наточит,
вынет
и сделает ручкой.
Дескать –
зайди,
купи,
возьми.
Буржуем не сделаешься с бритвенной точки.
Бегут без бород
и без выражений на лице.
Богатств буржуйских особые источники:
работай на доллар,
а выдадут цент.
У меня ни усов,
ни долларов,
ни шевелюр, –
и в горле
застревают
английского огрызки.
Но я подхожу
и губми шевелю –
как будто
через стекло
разговариваю по-английски.
«Сидишь,
глазами буржуев охлопана.
Чем обнадежена?
Дура из дур».
А девушке слышится:
«Опен,
опен ди дор[11]».
«Что тебе заботиться
о чужих усах?
Вот...
посадили...
как дуру еловую».
А у девушки
фантазия раздувает паруса,
и слышится девушке:
«Ай лов ю»[12].
Я злею:
«Выйдь,
окно разломай, –
а бритвы раздай
для жирных горл».
Девушке мнится:
«Май,
май горл[13]».
Выходит
фантазия из рамок и мерок –
и я

любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
кажусь

И чудится девушке – красивый и толстый.
на ней влюбленный клерк
жениться
И верит мисс, приходит с Волстрит.
что я – от счастья дрожа,
что ей долларовой воротила,
уже в других этажах
готовы бесплатно и стол
и квартира.
Как врезать ей в голову
мысли-ножи,
что русским известно другое средство,
как влезть рабочим
без грез, во все этажи
без свадеб,
без жданий наследства.

1925

Строго воспрещается
Погода такая, что маю впору.
Май – ерунда.
Настоящее лето.
Радуетесь всему: носильщику,
билетов. контролеру
Руку само
и сердце подымает перо,
вскипает
В рай песенным даром.
готов
расписать перрон
Краснодара.
Тут бы запеть
настроение – соловью-трелёру.
И вдруг китайская чайница!
на стене: – Задавать вопросы
строго воспрещается! – контролеру
И сразу сердце за удила.
Соловьев камнями с ветки.
А хочется спросить: – Ну, как дела?
Как здоровьице?
Как детки? –
Прошел я,
глаза

любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
к земле низя,
только подхихикнул,
ища покровительства.
И хочется задать вопрос,
а нельзя –
еще обидятся:
правительство!
1926
Сергею Есенину
Вы ушли,
как говорится,
в мир иной.
Пустота...
Летите,
в звезды врезываясь.
Ни тебе аванса,
ни пивной.
Трезвость.
Нет, Есенин,
это
не насмешка.
В горле
горе комом –
не смешок.
Вижу –
взрезанной рукой помешкав,
собственных
костей
качаете мешок.
– Прекратите!
Бросьте!
Вы в своем уме ли?
Дать,
чтоб щеки
заливал
смертельный мел?!
Вы ж
такое
загибать умели,
что другой
на свете
не умел.
Почему?
зачем?
Недоуменье смяло.
Критики бормочут:
– Этому вина
то...
да сё...
а главное,
что смычки мало,
в результате
много пива и вина.–
Дескать,
заменить бы вам
богему
классом,
класс влиял на вас,
и было б не до драк.
Ну, а класс-то
жажду
заливает квасом?
Класс – он тоже
выпить не дурак.
Дескать,
к вам приставить бы
кого из напостов –

любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
стали б

содержанием
Вы бы премного одарённой.
в день писали
утомительно строк по сто,
и длинно,
А по-моему, как Доронин.
осуществись такая бредь,
на себя бы раньше наложили руки.
Лучше уж от водки умереть,
чем от скуки!
Не откроют нам причин потери
ни петля,
ни ножик перочинный.
Может, окажется чернила в «Англетере»,
вены резать не было б причины.
Подражатели обрадовались:
бис!
Над собою чуть не взвод расправу учинил.
Почему же увеличивать число самоубийств?
Лучше увеличь изготовление чернил!
Навсегда теперь язык в зубах затворится.
Тяжело и неуместно разводить мистерии.
У народа, у языкотворца,
умер звонкий забулдыга подмастерье.
И несут стихов заупокойный лом,
с прошлых с похорон не переделавши почти
В холм тупые рифмы загонять колом –
разве так поэта надо бы почитать?
Вам и памятник еще не слит, –
где он, бронзы звон или гранита грань? –

любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
а к решеткам памяти

уже
понанесли
посвящений
и воспоминаний дрянь.
Ваше имя
ваше слово
и выводит
«Ни слова,
о дру-уг мой,
ни вздо-о-о-о-ха».
Эх,
поговорить бы иначе
с этим самым
с Леонидом Лоэнгринычем!
Встать бы здесь
– Не позволю
грящим скандалистом:
мямлить стих
и мять! –
Оглушить бы
их
в бабушку
чтобы разнеслась
раздувая
чтобы
встреченных
Дрянь
Дела много –
Надо
переделав –
Это время –
но скажите
где,
путь,
Слово –
Марш!
К старым дням

их
трехпалым свистом
и в бога душу мать!
бездарнейшая погань,
темь
пиджачных парусов,
разбежался Коган,
увеча
пиками усов.
пока что
мало поредела.
только поспевать.
жизнь
сначала переделать,
можно воспевать.
трудновато для пера,
вы,
калеки и калекши,
когда,
какой великий выбирал
чтобы протоптанней
и легче?
полководец
человечьей силы.
чтоб время
сзади
ядрами рвалось.

любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
чтоб ветром

относило

только
Для веселия путаницу волос.
планета наша
мало оборудована.
Надо вырвать
радость
у грядущих дней.
В этой жизни помереть
не трудно.
Сделать жизнь
значительно трудней.

1926

Любовь
Мир
опять
цветами оброс,
у мира
весенний вид.
И вновь
встает
нерешенный вопрос –
о женщинах
и о любви.
Мы любим парад,
нарядную песню.
Говорим красиво,
выходя на митинг.
Но часто
под этим,
покрытый плесенью,
старенький-старенький бытик.
Поет на собрание:
«Вперед, товарищи...»
А дома,
забыв об арии сольной,
орет на жену,
что щи не в наваре
и что
огурцы
плоховато просолены.
Живет с другой –
киоск в ширину,
бельем –
шантанная дива.
Но тонким чулком
попрекает жену:
– Компрометируешь
пред коллективом.–
То лезут к любой,
была бы с ногами.
Пять баб
переменит
в течение суток.
У нас, мол,
свобода,
а не моногамия.
Долой мещанство
и предрассудок!
С цветка на цветок
молодым стрекозлом
порхает,

любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
летает

и мечется.

Одно ему

в мире

кажется злом –

это

алиментщица.

Он рад умереть,
экономя треть,
три года

судиться рад:

и я, мол, не я,
и она не моя,
и я вообще

кастрат.

А любят,

так будь

монашенкой верной –

тиранит

ревностью

всякий пустяк

и мерит

любовь

на калибр револьверный,

неверной

в затылок

пулю пустя.

Четвертый –

герой десятка сражений,

а так,

что любо-дорого,

бежит

в перепуге

от туфли жениной,

простой туфли Мосторга.

А другой

стрелу любви

иначе метит,

путает

– ребенок этакий –

уловленье

любимой

в романические сети

с повышеньем

подчиненной по тарифной сетке...

По женской линии

тоже вам не райские скинии.

Простенького паренька

подцепила

барынька.

Он работать,

а ее

не удержать никак –

бегает за клёшем

каждого бульварника.

Что ж,

сиди

и в плаче

Нилом нилься.

Ишь! –

Жених!

– Для кого ж я, милые, женился?

Для себя –

или для них? –

У родителей

и дети этакого сорта:

– Что родители?

И мы

любят не любят я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
не хуже, мол! –

Занимаются
любовью в виде спорта,
не успевают
вписаться в комсомол.
И дальше,
к деревне,
живут, как и раньше,
быть без движеньца –
из года в год.
Вот так же
замуж выходят
и женятся,
как покупают
рабочий скот.
Если будет
длиться так
за годом годик,
то,
скажу вам прямо,
не сумеет
разобрать
и брачный кодекс,
где отец и дочь,
который сын и мама.
Я не за семью.
В огне
и в дыме синем
выгори
и этого старья кусок,
где шипели
матери-гусыни
и детей
стерег
отец-гусак!
Нет.
Но мы живем коммуной
плотно,
в общежитиях
грязнеет кожа тел.
Надо
голос
подымать за чистоплотность
отношений наших
и любовных дел.
Не отвиливай –
мол, я не венчан.
Нас
не поп скрепляет тарабарящий.
Надо
обвязать
и жизнь мужчин и женщин
словом,
нас объединяющим:

«Товарищи».

1926

Вместо оды
Мне б хотелось
вас
воспеть
во вдохновенной оде,
только ода
что-то не выходит.
Скольким идеалам
смерть на кухне
и под одеялом!
Моя знакомая –

любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
женщина как женщина,
оглошшая
от примусов пыхания
и ухания,
баба советская,
в загсе венчанная,
самая передовая
на общей кухне.
Хранит она
в складах лучших дат
замужество
с парнем среднего ростца;
еще не партиец,
но уже кандидат,
самый красивый
из местных писмоношцев.
Баба сердитая,
видно сразу,
потому что сожитель ейный
огромный синяк
в дополнение к глазу
приставил,
придя из питейной.
И шипит она,
выгнав мужа вон:
– Я
ему
покажу советский закон!
Вымою только
последнюю из посуды –
и прямо в милицию,
прямо в суд...–
Домыла.
Перед взятием
последнего рубежа
звонок
по кухне
рассыпался, дребезжа.
Открыла.
Расцвели миллионы почек,
высохла
по-весеннему
слезная лужа...
– Его почерк!
письмо от мужа.–
Письмо раскаленное –
не пишет,
а пишет.
«Вы моя душка,
и ангел
вы.
Простите великодушно!
я буду тише
воды
и ниже травы».
Рассиялся глаз,
оплывший набок.
Слово ласковое –
мастер
дивных див.
И опять
за примусами баба,
все поняв
и все простив.
А уже
циркуля писмоношца
за новой юбкой
по улицам носятся;

любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
раскручивая язык

шепчет
какой-то
оаживаемой Вере:
– я за положительность
и против инцидентов,
которые
вредят
служебной карьере.–
Неделя покоя,
но больше
никак
не прожить
без мата и синяка.
Неделя –
и снова счастья нету,
задрались,
едва в пивнушке побыли...
Вот оно –
семейное
«перпетуум
мобиле».
И вновь
разговоры,
и суд, и «треть»
на много часов
и недель,
и нет решимости
пересмотреть
семейственную канитель.
Я
напыщенным словам
всегдашний враг,
и, не растекаясь одами
к восьмому марта,
я хочу,
чтоб кончилась
такая помесь драк,
пьянства,
лжи,
романтики
и мата.

1927

Весна
В газетах
пишут
какие-то дяди,
что начал
любовно
постукивать дятел.
Скоро
вид Москвы
скопируют с Ниццы,
цветы создадут
по весенним велениям.
Пишут,
что уже
синицы
оглядывают гнезда
с любовным вожделением.
Газеты пишут:
дни горячей,
налетели
отряды
передовых грачей.
Страница 58

Любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
 И замечает
 что в березах естествоиспытательское око,
 какая-то циркуляция соков.
 А по-моему – дело мрачное:
 начинается горячка дачная.
 Плюнь,
 если рассказывает какой-нибудь шут,
 как дачные вечера милы,
 тихи.
 Опишу
 хотя б, как на даче выделяваю стихи.
 Не растрчивая энергию среди ерундовых трат,
 решаю твердо писать с утра.
 Но две девицы,
 и тощи и ряб`ы,
 заставили идти искать грибы.
 Хожу в лесу-с,
 на каждой колючке распинаюсь, как Иисус.
 Устав до того,
 что не ступишь на ноги,
 принес сыроежку и две поганки.
 Принесши трофей,
 еле отделяюсь от упомянутых фей.
 С бумажкой лежу на траве я,
 и строфы спускаются,
 рифмами вея.
 Только над рифмами стал сопеть,
 и –
 меня переезжает кто-то на велосипеде.
 С балкона,
 куда уселся, мыча,
 сбежал во внутрь от футбольного мяча.
 Полторы строки намарал –
 и пошел ловить комара.
 Опрокинув чернильницу,
 задув свечу,
 поднимаюсь,
 прыгаю,
 чуть не лечу.
 Поймал,
 и при свете мерцающих планет
 рассматриваю – хвост малярный
 или нет?

любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
Уселся,

но слово
замерло в горле.
На кухне крик:
– Самовар сперли! –
Адамом,
во всей первородной красе,
бегу
за жуликами
по василькам и росе,
Отступаю
от пары
бродячих дворняжек,
заинтересованных
видом
юных ляжек.
Сел
в меланхолии.
В голову
ни строчки
не лезет более.

Два.
Ложусь в идиллии.
К трем часам –
уснул едва,
а четверть четвертого
уже разбудили.
На луже,
зажатой
берегам в бока,
орет
целуемая
лодочникова дочка...
«Славное море –
священный Байкал,
Славный корабль –
омулевая бочка».
1927

Даешь тухлые яйца!
Рецензия № 1

Проходная комната. Театр б. Корш

Комната
проходная
во театре Корша
(бе).
Ух ты мать...
моя родная!
Пьеска –
ничего себе..
Сюжетец –
нету крепче:
в роли отца –
мышиный жеребчик
с видом спеца.
У папы
много тягот:
его жена
собой мордяга
и плохо сложена.
(Очевидно,
автор влип
в положительный тип.)
Целый день семенит
на доклад с доклада.

любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
Как
 змее
 не изменить?!
Так ей и надо.
На таких
 в особенности
скушно жениться.
И папа,
 в меру
 средств и способностей,
в служебное время
 лезет на жилищу.
Тут где ж
 невинность вынести?
И сын,
 в семейке оной,
страдая от невинности,
ходит возбужденный.
Ему
 от страсти жарко,
он скоро
 в сажень вытянется..
А тут уже –
 кухарка,
народа представительница.
Но жить
 долго
нельзя без идеолога.
Комсомолец
 в этой роли
агитнуть ужасно рад:
что любой из граждан
 волен
жить с гражданками подряд.
Сердце не камень:
кухарка
 в ту же ночь
обеими ногами
лезет
 на сыночка.
Но только лишь
 мальчишеских уст
коснулись
 кухаркины уста –
в комнату
 входит
 один хлюст
в сопровождении
 другого хлюста.
Такому
 надо много ли:
монокль в морщине,
и дылда
 в монокле
лезет к мужчине.
Целует
 у мальчика
десять пальчиков.
Пока
 и днем и ночью
вот это длится,
не отстают
 и прочие
действующие лица.
Я сбежал
 от сих насилий,
но
 вполне уверен в этом,

любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
что в дальнейшем

будет жить кот Василий
с велосипедом.
Под потолком притаилась галерка,
места у нее высоки...
я обернулся,
впиваясь зорко:
– Товарищи,
где свистки?!
Пускай партер
рукоплещет –
«Браво!» –
но мы, –
где пошлость,
везде, –
должны,
а не только имеем право
негодовать
и свистеть.

1928

Кино и вино
Сказал философ из Совкино:
«Родные сестры –
кино и вино.
Хотя иным
приятней вино,
но в случае
в том и в ином –
я должен
иметь
доход от кино
не меньше
торговца вином».
Не знаю,
кто и что виной
(история эта –
длинна),
но фильмы
уже
догоняют вино
и даже
вреднее вина.
И скоро
будет всякого
от них
тошнить одинаково.

1928

Письмо товарищу Кострову из Парижа о сущности любви
Простите
меня,
товарищ Костров,
с присущей
душевной ширью,
что часть
на Париж отпущенных строф
на лирику
я
растранжирю.
Представьте:

любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
входит

красавица в зал,
в меха
и бусы оправленная.
я
эту красавицу взял
и сказал:
– правильно сказал
или неправильно? –
я, товарищ, –
из России,
знаменит в своей стране я,
я видал
девиц красивей,
я видал
девиц стройнее.
Девушкам
поэты любу,
я ж умен
и голосист,
заговариваю зубы –
только
слушать согласись.
Не поймать
меня
на прохожей
на дряни,
я ж
паре чувств.
навек
любовью ранен –
еле-еле волочусь.
Мне
любовь
не свадьбой мерить:
разлюбила –
уплыла.
Мне, товарищ,
в высшей мере
наплевать
на купола.
Что ж в подробности вдаваться,
шутки бросьте-ка,
мне ж, красавица,
не двадцать, –
тридцать...
с хвостиком.
Любовь
не в том,
чтоб кипеть крутей.
не в том,
что жгут угольями,
а в том,
что встает за горами грудей
над
волосами-джунглями.
Любить –
это значит:
в глубь двора
вбежать
и до ночи грачьей,
блестя топором,
рубить дрова,
силой
своей
играючи.
Любить –
это с простынь,

Любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
 бессонницей рваных,
 срываться,
 ревнуя к Копернику,
 его,
 а не мужа Марьи Ивановны,
 считая
 своим
 соперником.
 Нам
 любовь
 не рай да кущи,
 нам
 любовь
 гудит про то,
 что опять
 в работу пущен
 сердца
 выставший мотор.
 Вы
 к Москве
 порвали нить.
 Годы –
 расстояние.
 Как бы
 вам бы
 объяснить
 это состояние?
 На земле
 огней – до неба..
 В синем небе
 звезд –
 до черта.
 Если б я
 поэтом не был,
 я бы
 стал бы
 звездочетом.
 Подымает площадь шум,
 экипажи движутся,
 я хожу,
 стишки пишу
 в записную книжицу.
 Мчат
 авто
 по улице,
 а не свалят наземь.
 Понимают
 умницы:
 человек –
 в экстазе.
 Сонм видений
 и идей
 полон
 до крышки.
 Тут бы
 и у медведей
 выросли бы крылышки.
 И вот
 с какой-то
 грошовой столовой,
 когда
 докипело это,
 из зева
 до звезд
 взвивается слово
 золоторожденной кометой.
 Распластан
 хвост

любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
небесам на треть,

блестит
и горит оперенье его,
чтоб двум влюбленным
на звезды смотреть

из ихней
беседки сиреновой.

чтоб подымать,
и вести,
и влечь,

которые глазом ослабли.
чтоб вражь

головы
спиливать с плеч
хвостатой

сияющей саблей.

себя
до последнего стука в груди,
как на свиданьи,

простаивая,
прислушиваюсь:
любовь загудит –

человеческая,
простая.

ураган,
огонь,
вода

подступают в ропоте.
кто

сумеет
совладать?

можете?
попробуйте...

1928

Поиски носков
в сердце

будто
заноза ввинчена.

я
разомлел,
обдряб
и раскис...

выражаясь прозаично –
у меня
продрались
все носки.

кому
хороший носок не лаком?

нога
в хорошем
красива и броска.

и я
иду
по коммуновым лавкам

в поисках
потребного носка.

одни носки
ядовиты и злы,

стрелки
посажены
косо,

и в ногу
сучки,
задоринки
и узлы

впиваются
из фильдекоса.

любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
Вторые –

для таксы.
растопыренные и коротенькие. фасон не хитрый:
У носка
у этого цвет панихиды
по горячо любимой тетеньке.
Третьи соперничают с Волгой-рекой –
глубже волжской воды.
По горло
влезешь
в носки-трико –
подвязывай их под кадык.
Четвертый носок
ценой раззор
и так расчерчен квадратно,
что, раз взглянув на этот узор,
лошадь потупит испуганный взор,
заржет и попятится обратно.
Ладно, вот этот носок что надо.
Носок на ногу напяливается,
и сразу из носка вылезит анфилада
средних, больших и маленьких пальцев.
Бросают девушки думать об нас:
нужны им такие очень!
Они оборачивают пудренный нос
на тех, кто лучше обносочен.
Найти растет старание
мужей поиностранные.
и если морщинит
лба лоно меланхолическая нудь,
это не значит, что я влюбленный,
что я мечтаю. Отнюдь!..
Из сердца лирический сор
Иные гони...

любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru

причины
я страдаю... моей тоски:
Даешь, госорганы,
прочные, впору, красивые носки!

1928

Заграничная штучка
Париж, как сковородку желток,
заливал электрический ток.
Хоть в гости, хоть на дом –
женщины тучею.
Время – что надо –
распроститучье.
Но с этих ли утех
французу распалиться?
Прожили, мол, всех,
кроме полиции.
Парижанин глух.
Но все мусьи
подмигивают на углу
бульвар де Капюсин.
Себя стеля
идушим дорогою,
на двух костылях
стоит одноногая.
Что была за будущность?
Ну – были ноги.
Была одной из будочниц
железной дороги.
Жила, в лохмотьях кроясь,
жуя понемногу.
И вдруг на счастье
ей поезд
срезал ногу.
Пролечена выплата.
Поправлена еле,

любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
работница

выплюнута
больницей в панели.
что толку в ногатых?
Зеваешь, блуждая.
Пресыщенность богатых
безножье возбуждает.
Доказательство – налицо.

Налицо – факт.
Дрянцо с пыльцой,
а девушка нарасхват.
Платье зеленое
выпушено мехом,
девушка определенно
пользуется успехом.
Стихом беспардонным
пою, забывши меру –
как просто за кордоном
сделать карьеру.
1929

Парижанка
Вы себе представляете парижских женщин
с шеей разжемчуженной, разбриллиантенной
рукой...

Бросьте представлять себе!
Жизнь – жестче –

у моей парижанки вид другой.
Не знаю, право, молода или стара она,
до желтизны отшлифованная в лощеном хамье.

Служит она в уборной ресторана –
маленького ресторана – Гранд-Шомьер.
Выпившим бургундского может захотеться
для облегчения пойти пройтись.
Дело мадмуазель подавать полотенце,
она

любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
в этом деле

просто артист.

Пока

у трюмо

разглядываешь прыщик,

она,

разулыбив

облупленный рот,

пудрой подпудрит,

духами попрыщует,

подаст пипифакс

и лужу подотрет.

Раба чревоугодий

торчит без солнца,

в клозетной шахте

по суткам

клопея,

за пятьдесят сантимов!

(по курсу червонца

с мужчины

около

четырех копеек).

Под умывальником

ладони омывая,

дыша

диковиной

парфюмерных зелий,

над мадмуазелью

недоумевая,

хочу

сказать

мадмуазели:

– Мадмуазель,

ваш вид,

извините,

жалок.

На уборную молодость

губить не жалко вам?

Или

мне

наврали про парижанок,

или

вы, мадмуазель,

не парижанка.

Выглядите вы

туберкулезно

и вяло.

Чулки шерстяные...

Почему не шелка?

Почему

не шлют вам

пармских фиалок

благородные мусью

от полного кошелька? –

Мадмуазель молчала,

грохот наваливал

на трактир,

на потолок,

на нас.

Это,

кружа

веселье карнавалово,

весь

в парижанках

гудел Монпарнас.

Простите, пожалуйста,

за стих раскрежещенный

и

Любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
А глыбе многое хочется!
Ведь для себя не важно
и то, что бронзовый,
и то, что сердце – холодной железкою.
Ночью хочется звон свой
спрятать в мягкое,
в женское.
И вот,
громадный,
горблюсь в окне,
плавлю лбом стекло окошечное.
Будет любовь или нет?
Какая –
большая или крошечная?
Откуда большая у тела такого:
должно быть, маленький,
смирный любёночек.
Она шарахается автомобильных гудков.
Любит звоночки коночек.
Еще и еще,
уткнувшись дождю
лицом, в его лицо рябое,
жду,
обрызганный громом городского приборя.
Полночь, с ножом мечась,
догнала,
зарезала, –
вон его!
Упал двенадцатый час,
как с плахи голова казненного.
В стеклах дождинки серые
свылись,
гримасу громадили,
как будто воют химеры
Собора Парижской Богоматери.
Проклятая!
Что же, и этого не хватит?
Скоро криком издерется рот.
Слышу:
тихо,
как больной с кровати,
спрыгнул нерв.
И вот, –
сначала прошелся
едва-едва,
потом забегал,
взволнованный,
четкий.
Теперь и он и новые два
мечутся отчаянной чечеткой.
Рухнула штукатурка в нижнем этаже.
Нервы –
большие,
маленькие,
многие! –
скачут бешеные,
и уже
у нервов подкашиваются ноги!
А ночь по комнате тинится и тинится, –
из тины не вытянуться отяжелевшему глазу.
Двери вдруг заляскали,
будто у гостиницы
не попадает зуб на зуб.
Вошла ты,
резкая, как «нате!»,
муча перчатки замш,
сказала;
«Знаете –

Любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
я выхожу замуж».
Что ж, выходите,
Ничего.
Покреплюсь.
Видите – спокоен как!
Как пульс
покойника.
Помните?
Вы говорили:
«Джек Лондон,
деньги,
любовь,
страсть», –
а я одно видел:
вы – Джиоконда,
которую надо украсть!
И украли.
Опять влюбленный выйду в игры,
огнем озаряя бровей загиб.
Что же!
И в доме, который выгорел,
иногда живут бездомные бродяги!
Дразните?
«Меньше, чем у нищего копеек,
у вас изумрудов безумий».
Помните!
Погибла Помпея,
когда раздразили Везувий!
Эй!
Господа!
Любители
святотатств,
преступлений,
боен, –
а самое страшное
видели –
лицо мое,
когда
я
абсолютно спокоен?
И чувствую –
«я»
для меня мало.
Кто-то из меня вырывается упряма.
Алло!
Кто говорит?
Мама?
Мама!
Ваш сын прекрасно болен!
Мама!
У него пожар сердца.
Скажите сестрам, Люде и Оле, –
ему уже некуда деться.
Каждое слово,
даже шутка,
которые изрыгает обгорающим ртом он,
выбрасывается, как голая проститутка
из горящего публичного дома.
Люди нюхают –
запахло жареным!
Нагнали каких-то.
Блестящие!
в касках!
Нельзя сапожища!
Скажите пожарным:
на сердце горячее лезут в ласках.
Я сам.
Глаза наслезнённые бочками выкачу.

любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
Дайте о ребра опереться.
Выскочу! Выскочу! Выскочу! Выскочу!
Рухнули.
Не выскочишь из сердца!
На лице обгорающем
из трещины губ
обугленный поцелуишко броситься вырос.
Мама!
Петь не могу.
У церковки сердца занимается клирос!
Обгорелые фигурки слов и чисел
из черепа,
как дети из горящего здания.
Так страх
схватиться за небо
высил
горящие руки «Лузитании».
Трясущимся людям
в квартирное тихо
стоглазое зарево рвется с пристани.
Крик последний, –
ты хоть
о том, что горю, в столетия выстони!
2
Славьте меня!
Я великим не чета.
Я над всем, что сделано,
ставлю «nihił»[14].
Никогда
ничего не хочу читать.
Книги?
Что книги!
Я раньше думал –
книги делаются так:
пришел поэт,
легко разжал уста,
и сразу запел вдохновенный проstack –
пожалуйста!
А оказывается –
прежде чем начнет петься,
долго ходят, размозолев от брожения,
и тихо барахтаются в тине сердца
глупая вобла воображения.
Пока выкипячивают, рифмами пиликают,
из любвей и соловьев какое-то варево,
улица корчится безъязыкая –
ей нечем кричать и разговаривать.
Городов вавилонские башни,
возгордясь, возносим снова,
а бог
города на пашни
рушит,
мешая слово.
Улица муку молча пёрла.
Крик торчком стоял из глотки.
Топорщились, застрявшие поперек горла,
пухлые taxı[15] и костлявые пролетки.
Грудь испешеходили.
Чахотки площе.
Город дорогу мраком запер.
И когда –
все-таки! –
выхаркнула давку на площадь,
спихнув наступившую на горло паперть,
думалось:
в хорах архангелова хорала
бог, ограбленный, идет карать!
А улица присела и заорала:

Любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
«Идемте жрать!»
Гримирают городу Круппы и Круппики
грозящих бровей морщъ,
а во рту
умерших слов разлагаются трупики,
только два живут, жирея –
«сволочь»
и еще какое-то,
кажется – «борщ».
Поэты,
размокшие в плаче и всхлипе,
бросились от улицы, ероша космы:
«Как двумя такими выпеть
и барышню,
и любовь,
и цветочек под росами?»
А за поэтами –
уличные тыщи:
студенты,
проститутки,
подрядчики.
Господа!
Остановитесь!
Вы не нищие,
вы не смеете просить подачки!
Нам, здоровенным,
с шагом саженьим,
надо не слушать, а рвать их –
их,
присосавшихся бесплатным приложением
к каждой двуспальной кровати.
Их ли смиренно просить:
«Помоги мне!»
Молить о гимне,
об оратории!
Мы сами творцы в горящем гимне –
шуме фабрики и лаборатории.
Что мне до Фауста,
феерией ракет
скользящего с Мефистофелем в небесном паркете!
Я знаю –
гвоздь у меня в сапоге
кошмарней, чем фантазия у Гете!
Я,
златоустейший,
чье каждое слово
душу новородит,
именинит тело,
говорю вам:
мельчайшая пылинка живого
ценнее всего, что я сделаю и сделал!
Слушайте!
Проповедует,
мечась и стена,
сегодняшнего дня крикогубый Заратустра!
Мы
с лицом, как заспанная простыня,
с губами, обвисшими, как люстра,
мы,
каторжане города-лепрозория,
где золото и грязь изъязвили проказу, –
мы чище венецианского лазорья,
морями и солнцами омытого сразу!
Плевать, что нет
у Гомеров и Овидиев
людей, как мы,
от копоты в оспе.
Я знаю –

Любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
солнце померкло б, увидев
наших душ золотые россыпи!
Жилы и мускулы – молитв верней.
Нам ли вымалывать милостей времени!
Мы –
каждый –
держим в своей пятерне
миров приводные ремни!
Это взвело на Голгофы аудиторий
Петрограда, Москвы, Одессы, Киева,
и не было ни одного,
который
не кричал бы:
«Распни,
распни его!»
Но мне –
люди,
и те, что обидели –
вы мне всего дороже и ближе.
Видели,
как собака бьющую руку лижет?!
Я,
обсмеянный у сегодняшнего племени,
как длинный
скабресный анекдот,
вижу идущего через горы времени,
которого не видит никто.
Где глаз людей обрывается куцый,
главой голодных орд,
в терновом венце революций
грядет шестнадцатый год.
А я у вас – его предтеча;
я – где боль, везде;
на каждой капле слезовой течи
распял себя на кресте.
Уже ничего простить нельзя.
Я выжег души, где нежность растили.
Это труднее, чем взять
тысячу тысяч Бастилий!
И когда,
приход его
мятежом оглашая,
выйдете к спасителю –
вам я
душу вытащу,
растопчу,
чтоб большая! –
и окровавленную дам, как знамя.
З
Ах, зачем это,
откуда это
в светлое весело
грязных кулачищ замах!
Пришла
и голову отчаянием занавесила
мысль о сумасшедших домах.
И –
как в гибель дредноута
от душащих спазм
бросаются в разинутый люк –
сквозь свой
до крика разодранный глаз
лез, обезумев, Бурлюк.
Почти окровавив исслезенные веки,
вылез,
встал,
пошел
и с нежностью, неожиданной в жирном человеке,
Страница 75

Любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
взял и сказал:
«Хорошо!»
Хорошо, когда в желтую кофту
душа от осмотров укутана!
Хорошо,
когда брошенный в зубы эшафоту,
крикнуть:
«Пейте какао Ван-Гутена!»
И эту секунду,
бенгальскую
громкую,
я ни на что б не выменял,
я ни на...
А из сигарного дыма
ликерного рюмкой
вытягивалось пропитое лицо Северянина.
Как вы смеете называться поэтом
и, серенький, чирикать, как перепел!
Сегодня
надо
кастетом
кроиться миру в черепе!
Вы,
обеспокоенные мыслью одной –
«изящно пляшу ли», –
смотрите, как развлекаюсь
я –
площадной
сутенер и карточный шулер!
От вас,
которые влюбленностью мокли,
от которых
в столетия слеза лилась,
уйду я,
солнце моноклем
вставлю в широко растопыренный глаз.
Невероятно себя нарядив,
пойду по земле,
чтоб нравился и жегся,
а впереди
на цепочке Наполеона поведу, как мопса.
Вся земля поляжет женщиной,
заерзает мясами, хотя отдаться;
вещи оживут –
губы вещицы
засюсюкают:
«цаца, цаца, цаца!»
Вдруг
и тучи
и облачное прочее
подняло на небе невероятную качку,
как будто расходятся белые рабочие,
небу объявив озлобленную стачку.
Гром из-за тучи, зверея, вылез,
громадные ноздри задорно высморкал,
и небые лицо секунду кривилось
суровой гримасой железного Бисмарка.
И кто-то,
запутавшись в облачных путях,
вытянул руки к кафе –
и будто по-женски,
и нежный как будто,
и будто бы пушки лафет.
Вы думаете –
это солнце нежненько
треплет по щечке кафе?
Это опять расстрелять мятежников
грядет генерал Галифе!

Любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
Выньте, гулящие, руки из брюк –
берите камень, нож или бомбу,
а если у которого нету рук –
пришел чтоб и бился лбом бы!
Идите, голодненькие,
потненькие,
покорненькие,
закишие в блохастом грязненьке!
Идите!
Понедельники и вторники
окрасим кровью в праздники!
Пускай земле под ножами припомнится,
кого хотела ополшить!
Земле,
обжиревшей, как любовница,
которую вылюбил Ротшильд!
Чтоб флаги трепались в горячке пальбы,
как у каждого порядочного праздника –
выше вздымайте, фонарные столбы,
окровавленные туши лабазников.
Изругивался,
вымаливался,
резал,
лез за кем-то
вгрызаться в бока.
На небе, красный, как марсельеза,
вздрагивал, околевая, закат.
Уже сумасшествие.
Ничего не будет.
Ночь придет,
перекусит
и съест.
Видите –
небо опять иудит
пригоршню обрызганных предательством звезд?
Пришла.
Пирует Мамаем,
задом на город насеив.
Эту ночь глазами не проломаем,
черную, как Азеф!
Ежусь, зашвырнувшись в трактирные углы,
вином обливаю душу и скатерть
и вижу:
в углу – глаза круглы, –
глазами в сердце въелась богоматерь.
Чего одаривать по шаблону намалеванному
сиянием трактирную ораву!
Видишь – опять
голгофнику оплеванному
предпочитают Варавву?
Может быть, нарочно я
в человеческом месиве
лицом никого не новей.
Я,
может быть,
самый красивый
из всех твоих сыновей.
Дай им,
заплесневшим в радости,
скорой смерти времени,
чтоб стали дети, должны подрасти,
мальчики – отцы,
девочки – забеременели.
И новым рожденным дай обрасти
пытливой сединой волхвов,
и придут они –
и будут детей крестить
именами моих стихов.

Любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
Я, воспевающий машину и Англию,
может быть, просто,
в самом обыкновенном евангелии
тринадцатый апостол.
И когда мой голос,
похабно ухаает –
от часа к часу,
целые сутки,
может быть, Иисус Христос нюхает
моей души незабудки.
4
Мария! Мария! Мария!
Пусти, Мария!
Я не могу на улицах!
Не хочешь?
Ждешь,
как щеки провалятся ямкою,
попробованный всеми,
пресный,
я приду
и беззубо прошамкаю,
что сегодня я
«удивительно честный».
Мария,
видишь –
я уже начал сутулиться.
В улицах
люди жир продырявят в четырехэтажных зобах,
высунут глазки,
потертые в сорокгодовой таске, –
перехихикиваться,
что у меня в зубах
– опять! –
черствая булка вчерашней ласки.
Дождь обрыдал тротуары,
лужами сжатый жулик,
мокрый, лижет улиц забитый бульжником труп
а на седых ресницах –
да! –
на ресницах морозных сосулек
слезы из глаз –
да! –
из опущенных глаз водосточных труб.
Всех пешеходов морда дождя обсосала,
а в экипажах лощился за жирным атлетом атлет:
лопались люди,
проевшись насквозь,
и сочились сквозь трещины сало,
мутной рекой с экипажей стекала
вместе с иссосанной булкой
жевотина старых котлет.
Мария!
Как в зажиревшее ухо втиснуть им тихое слово?
Птица
побирается песней,
поет,
голодна и звонка,
а я человек, Мария,
простой,
выхарканный чахоточной ночью в грязную
руку Пресни.
Мария, хочешь такого?
Пусти, Мария!
Судорогой пальцев зажму я железное горло звонка!
Мария!
Звереют улиц выгоны.
На шее ссадиной пальцы давки.
Открой!

любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
Больно!
Видишь – натыканы
в глаза из дамских шляп булавки!
Пустила.
Детка!
Не бойся,
что у меня на шее воловьей
потноживотые женщины мокрой горою сидят, –
это сквозь жизнь я тащу
миллионы огромных чистых любовей
и миллион миллионов маленьких грязных любят.
Не бойся,
что снова,
в измены ненастье,
прильну я к тысячам хорошеньких лиц, –
«любящие Маяковского!» –
да ведь это ж династия
на сердце сумасшедшего восшедших цариц.
Мария, ближе!
В раздетом бесстыдстве,
в боящейся дрожи ли,
но дай твоих губ неисцветшую прелесть:
я с сердцем ни разу до мая не дожили,
а в прожитой жизни
лишь сотый апрель есть.
Мария!
Поэт сонеты поет Тиане,
а я –
весь из мяса,
человек весь –
тело твое просто прошу,
как просят христиане –
«хлеб наш насущный
даждь нам днесь».
Мария – дай!
Мария!
Имя твое я боюсь забыть,
как поэт боится забыть
какое-то
в муках ночей рожденное слово,
величием равное богу.
Тело твое
я буду беречь и любить,
как солдат,
обрубленный войною,
ненужный,
ничей,
бережет свою единственную ногу.
Мария –
не хочешь?
Не хочешь!
Ха!
Значит – опять
темно и понуро
сердце возьму,
слезами окапав,
нести,
как собака,
которая в конуру
несет
перееханную поездом лапу.
Кровью сердца дорогу радую,
липнет цветами у пыли кителя.
Тысячу раз опляшет Иродиадой
солнце землю –
голову Крестителя.
И когда мое количество лет
выпляшет до конца –

Любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
миллионм кровинок устелется след
к дому моего отца.
Вылезу
грязный (от ночевок в канавах),
стану бок о бок,
наклонюсь
и скажу ему на ухо:
– Послушайте, господин бог!
Как вам не скушно
в облачный кисель
ежедневно обмакивать раздобревшие глаза?
Давайте – знаете –
устроимте карусель
на дереве изучения добра и зла!
Вездесущий, ты будешь в каждом шкапу,
и вина такие расставим по столу,
чтоб захотелось пройтись в ки-ка-пу
хмурому Петру Апостолу.
А в рае опять поселим Евочек:
прикажи, –
сегодня ночью ж
со всех бульваров красивейших девочек
я натащу тебе.
Хочешь?
Не хочешь?
Мотаешь головою, кудластый?
Супишь седую бровь?
Ты думаешь –
этот,
за тобою, крыластый,
знает, что такое любовь?
Я тоже ангел, я был им –
сахарным барашком выглядывал в глаз,
но больше не хочу дарить кобылам
из северской муки изваянных ваз.
Всемогущий, ты выдумал пару рук,
сделал,
что у каждого есть голова, –
отчего ты не выдумал,
чтоб было без мук
целовать, целовать, целовать?!
Я думал – ты всесильный божище,
а ты недоучка, крохотный божик.
Видишь, я нагибаюсь,
из-за голенища
достаю сапожный ножик.
Крыластые прохвосты!
Жмитесь в раю!
Ерошьте перышки в испуганной тряске!
Я тебя, пропахшего ладаном, раскрою
отсюда до Аляски!
Пустите!
Меня не остановите.
Вру я,
в праве ли,
но я не могу быть спокойней.
Смотрите –
звезды опять обезглавили
и небо окровавили бойней!
Эй, вы!
Небо!
Снимите шляпу!
Я иду!
Глухо.
Вселенная спит,
положив на лапу
с клещами звезд огромное ухо.
1914–1915

Люблю

Поэма

Обыкновенно так
Любовь любому рожденному дадена, –
но между служб,
доходов
и прочего
со дня на день
очерствевает сердечная почва.
На сердце тело надето,
на тело – рубаха.
Но и этого мало!
Один –
идиот! –
манжеты наделал
и груди стал заливать крахмалом.
Под старость спохватятся.
Женщина мажется.
Мужчина по Мюллеру мельницей машется.
Но поздно.
Морщинами множится кожа.
Любовь поцветет,
поцветет –
и скукожится.

Мальчишкой
я в меру любовью был одаренный.
Но с детства
людье
трусами муштровано.
А я –
убег на берег Риона
и шлялся,
ни чёрта не делая ровно.
Сердилась мама:
«Мальчишка паршивый!»
Грозился папаша поясом выстегать.
А я,
разживясь трехрублевкой фальшивой,
играл с солдатъём под забором

в «три листика».

Без груза рубах,
без башмачного груза
жарился в кутаисском зное.
Вворачивал солнцу то спину,
то пузо –
пока под ложечкой не заноеет.
Дивилось солнце:
«Чуть виден весь-то!
А тоже –
с сердечком.
Старается малым!
Откуда
в этом
в аршине
место –
и мне,
и реке,
и стовёрстым скалам?!»
Юношей
Юношеству занятий масса.
Грамматикам учим дурней и дур мы.
Меня ж
из 5-го вышибли класса.
Пошли швырять в московские тюрьмы.

любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
В вашем
квартирном
маленьком мирике
для спален растут кучерявые лирики.
Что выищешь в этих болоночьих лириках?!
Меня вот
любить
учили
в Бутырках.
Что мне тоска о Булонском лесе?!
Что мне вздох от видов на море?!
я вот
в «Бюро похоронных процессий»
влюбился
в глазок 103 камеры.
Глядят ежедневное солнце,
зазнаются.
«Чего – мол – стоят лучёнышки эти?»
А я
за стенного
за желтого зайца
отдал тогда бы – все на свете.
Мой университет
французский знает.
Делите.
Множьте.
Склоняете чудно.
Ну и склоняйте!
Скажите –
а с домом спеться
можете?
Язык трамвайский вы понимаете?
Птенец человеческий,
чуть только вывелся –
за книжки рукой,
за тетрадные дести[16].
А я обучался азбуке с вывесок,
листая страницы железа и жести.
Землю возьмут,
обкорнав,
ободрав ее –
учат,
И вся она – с крохотный глобус.
А я
боками учил географию –
недаром же
наземь
ночёмкой хлопаюсь!
Мутят иловайских большие вопросы:
– Была ль рыжа борода Барбароссы? –
Пускай!
Не копаюсь в пропыленном вздоре я –
любая в Москве мне известна история!
Берут Добролюбова (чтоб зло ненавидеть), –
фамилья ж против,
скулит родовая.
я
жирных
с детства привык ненавидеть,
всегда себя
за обед продавая.
Научатся,
сядут –
чтоб нравиться даме,
мыслишки звякают лбёнками медненькими.
А я
говорил
с одними домами.

Любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
Одни водочачки мне собеседниками.
Окном слуховым внимательно слушая,
ловили крыши – что брошу в уши я.
А после
о ночи
и друг о друге
трещали,
язык ворочая – флюгер.
Взрослое
У взрослых дела.
В рублях карманы.
Любить?
Пожалуйста!
Рубликов за сто.
А я,
бездомный,
ручища
в рваный
в карман засунул
и шлялся, глазастый.
Ночь.
Надеваете лучшее платье.
Душой отдыхаете на женах, на вдовах.
Меня
Москва душила в объятьях
кольцом своих бесконечных Садовых.
В сердца,
в часишки
любовницы тикают.
В восторге партнеры любовного ложа.
Столиц сердцебиение дикое
ловил я,
Страстную площадью лёжа.
Враспашку –
сердце почти что снаружи –
себя открываю и солнцу и луже.
Входите страстями!
Любовями влазьте!
Отныне я сердцем править не властен.
У прочих знаю сердца дом я.
Оно в груди – любому известно!
На мне ж
с ума сошла анатомия.
Сплошное сердце –
гудит повсеместно.
О, сколько их,
одних только вёсен,
за 20 лет в распалённого ввалено!
Их груз нерастраченный – просто несносен.
Несносен не так,
для стиха,
а буквально.
Что вышло
Больше чем можно,
больше чем надо –
будто
поэтовым бредом во сне навис –
комочек сердечный разросся громадой:
громада любовь,
громада ненависть.
Под ношей
ноги
шагали шатко –
ты знаешь,
я же
ладно сложен –
и всё же
тащусь сердечным придатком,

Любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
плеч подгибая косую сажень.
Взбухаю стихов молоком
– и не вылиться –
некуда, кажется – полнится заново.
Я вытомлен лирикой –
мира кормилица,
гипербола
праобраза Мопассанова.
Зову
Поднял силачом,
понес акробатом.
Как избирателей сзывают на митинг,
как сёла
в пожар
созывают набатом –
я звал:
«А вот оно!
Вот!
Возьмите!»
Когда
такая махина ахала –
не глядя,
пылью,
грязью,
сугробом
дамьё
от меня
ракетой шарахалось:
«Нам чтобы поменьше,
нам вроде танго бы...»
Нести не могу –
и несую мою ношу.
Хочу ее бросить –
и знаю,
не брошу!
Распора не сдержат рёбровы дуги.
Грудная клетка трещала с натуги.
Ты
Пришла –
деловито,
за рыком,
за ростом,
взглянув,
разглядела просто мальчика.
Взяла,
отобрала сердце
и просто
пошла играть –
как девочка мячиком.
И каждая –
чудо будто видится –
где дама вкопалась,
а где девица.
«Такого любить?
Да этакий ринется!
Должно, укротительница.
Должно, из зверинца!»
А я ликую.
Нет его –
ига!
от радости себя не помня,
скакал,
индейцем свадебным прыгал,
так было весело,
было легко мне.
Невозможно
Один не смогу –
не снесу рояля

любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
(тем более –
несгораемый шкаф).
А если не шкаф,
не рояль,
то я ли
сердце снес бы, обратно взяв.
Банкиры знают:
«Богаты без края мы.
Карманов не хватит –
кладем в несгораемый».
Любовь
в тебя –
богатством в железо –
запрятал,
хожу
и радуюсь Крезом.
И разве,
если захочется очень,
улыбку возьму,
пол-улыбки
и мельче,
с другими кутя,
протрачу в полночи
рублей пятнадцать лирической мелочи.
Так и со мной
Флоты – и то стекаются в гавани.
Поезд – и то к вокзалу гонит.
Ну, а меня к тебе и подавней
– я же люблю! –
тянет и клонит.
Скупой спускается пушкинский рыцарь
подвалом своим любоваться и рыться.
Так я
к тебе возвращаюсь, любимая.
Мое это сердце,
любуюсь моим я.
Домой возвращаетесь радостно.
Грязь вы
с себя соскребаете, бреясь и моясь.
Так я
к тебе возвращаюсь, –
разве,
к тебе идя,
не иду домой я?!
Земных принимает земное лоно.
К конечной мы возвращаемся цели.
Так я
к тебе
тянусь неуклонно,
еле расстались,
развиделись еле.
Вывод
Не смоят любовь
ни ссоры,
ни вёрсты.
Продумана,
выверена,
проверена.
Подъемля торжественно
стих строкопёрстый,
клянусь –
люблю
неизменно и верно!
1922

Во весь голос
Первое вступление в поэму

любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru

Уважаемые
товарищи потомки!
Роясь
в сегодняшнем
окаменевшем Г.....
наших дней изучая потемки,
вы,
возможно,
спросите и обо мне.
И, возможно, скажет
ваш ученый,
кря эрудицией
вопросов рой,
что жил-де такой
певец кипяченой
и ярый враг воды сырой.
Профессор,
снимите очки-велосипед!
Я сам расскажу
о времени
и о себе.
Я, ассенизатор
и водовоз,
революцией
мобилизованный и призванный,
ушел на фронт
из барских садоводств
поэзии –
бабы капризной.
Засадила садик мило,
дочка,
дача,
воть
и гладь –
сама садик я садила,
сама буду поливать.
Кто стихами льет из лейки,
кто кропит,
набравши в рот –
кудреватые Митрейки,
мудреватые Кудрейки –
кто их к черту разберет!
Нет на прорву карантина –
мандолинят из-под стен:
«Тара-тина, тара-тина,
Т-ЭН-Н...»
Неважная честь,
чтоб из этаких роз
мои изваяния высились
по скверам,
где харкает туберкулез,
где б... с хулиганом
да сифилис.
И мне
агитпроп
в зубах навяз,
и мне бы
строчить
романсы на вас –
доходней оно
и прелестней.
Но я
себя
смирлял,
становясь
на горло
собственной песне.

Любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
 Слушайте,
 агитатора, товарищи потомки,
 Заглуша горлана-главаря.
 я шагну поэзии потоки,
 как живой через лирические томики,
 Я к вам приду с живыми говоря.
 не так, в коммунистическое далеко
 Мой стих дойдет как песенно-есененный провитязь.
 и через головы через хребты веков
 Мой стих дойдет, поэтов и правительств.
 не как стрела но он дойдет не так, —
 не как доходит в амурно-лировой охоте,
 и не как свет умерших звезд доходит. к нумизмату стершийся пятак
 Мой стих
 и явится трудом громаду лет прорвет
 весомо, грубо, зримо,
 как в наши дни вошел водопровод,
 сработанный еще рабами Рима.
 В курганах книг, похоронивших стих,
 железки строк случайно обнаруживая,
 вы с уважением
 как старое, ощупывайте их,
 я но грозное оружие.
 ухо словом
 ушку девическому не привык ласкать;
 с полупохабщины в завиточках волоска
 Парадом развернув не разалеться тронуту.
 я прохожу моих страниц войска,
 Стихи стоят по строчечному фронту.
 готовые и к смерти свинцово-тяжело,
 Поэмы замерли, и к бессмертной славе.
 нацеленных к жерлу прижав жерло
 Оружия зияющих заглавий.
 любимейшего
 готовая род,
 готовая

любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
рвануться в гике,
застыла
кавалерия острот,
поднявши рифм
отточенные пики.
И все
поверх зубов вооруженные войска,
что двадцать лет в победах
пролетали,
до самого
последнего листка
я отдаю тебе,
планеты пролетарий.
Рабочего
громады класса враг –
он враг и мой,
отъявленный и давний.
Велели нам
идти
под красный флаг
года труда
и дни недоеданий.
Мы открывали
Маркса
каждый том,
как в доме
собственном
мы открываем ставни,
но и без чтения
мы разбирались в том,
в каком идти,
в каком сражаться стане.
Мы
диалектику
учили не по Гегелю.
Бряцанием боев
она врывалась в стих,
когда
под пулями
от нас буржуи бегали,
как мы
когда-то
бегали от них.
Пускай
за гениями
безутешною вдовой
плетется слава
в похоронном марше –
умри, мой стих,
умри, как рядовой,
как безымянные
на штурмах мерли наши!
Мне наплевать
на бронзы многопудье,
мне наплевать
на мраморную слизь.
Сочтемся славой –
ведь мы свои же люди, –
пускай нам
общим памятником будет
построенный
в боях
социализм.
Потомки,
словарей проверьте поплавки:
из Леты
выплывут
остатки слов таких,
Страница 88

любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
как «проституция»,

«туберкулез»,

«блокада».

Для вас,

которые

здоровы и ловки,

поэт

вылизывал

чахоткины плевки

шершавым языком плаката.

С хвостом годов

я становлюсь подобием

чудовищ

ископаемо-хвостатых.

Товарищ жизнь,

давай

быстреем протопаем,

протопаем

по пятилетке

дней остаток.

Мне

и рубля

не накопили строчки,

краснодеревщики

не слали мебель на дом.

И кроме

свежевымытой сорочки,

скажу по совести,

мне ничего не надо.

Явившись

в Це Ка Ка

идущих

светлых лет,

над бандой

поэтических

рвачей и выжиг

я подыму,

как большевистский партбилет,

все сто томов

моих

партийных книжек.

1929–1930

Неоконченное

I

Любит? не любит? я руки ломаю

и пальцы разбрасываю разломавши

так рвут загадав и пускают по маю

венчики встречных ромашек

Пускай седины обнаруживает стрижка и бритье

Пусть серебро годов вызванивает уймою

надеюсь верую вовеки не придет

ко мне позорное благоразумие

II

Уже второй

должно быть ты легла

А может быть

и у тебя такое

я не спешу

и молниями телеграмм

мне незачем

тебя

будить и беспокоить.

III

море уходит вспять

море уходит спать

Как говорят инцидент исперчен

любовная лодка разбилась о быт

любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
С тобой мы в расчете
И не к чему перечень
взаимных болей бед и обид.

IV

Уже второй должно быть ты легла
В ночи Млечпуть серебряной Окою
Я не спешу и молниями телеграмм
Мне незачем тебя будить и беспокоить
как говорят инцидент исперчен
любовная лодка разбилась о быт
С тобой мы в расчете и не к чему перечень
взаимных болей бед и обид
Ты посмотри какая в мире тишь
Ночь обложила небо звездной данью
в такие вот часы встаешь и говоришь
векам истории и мирозданию

печатается без знаков препинания,
как в записной книжке Маяковского

1928–1930

Примечания

1

Dessous – женское белье (фр.).

2

А. С. Пушкин. Евгений Онегин. Глава восьмая. Письмо Онегина к Татьяне.
Маяковский приводит эти строки в своем «юбилейном»:

я люблю вас,
 будьте обязательно моя,
я сейчас же
 утром должен быть уверен,
что с вами днем увижусь я.

3

Площадь Согласия (фр.).

4

левый берег (фр.).

5

Красные и белые звезды (англ.).

6

Между нами (фр.).

7

Кафе на Монпарнасе.

8

Официант, грог по-американски! (фр.)

9

Vois de boulogne – Булонский лес (фр.).

10

любит не любит я руки ломаю. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
Тайпистки – машинистки.

11

Open, open the door. – Откройте, откройте дверь (англ.).

12

I love you. – я люблю Вас (англ.).

13

My girl. – Моя девочка (англ.).

14

Ничто (лат.).

15

Такси (фр.).

16 дeсть (устар.) – единица счета писчей бумаги. Русская дeсть равна 24 листам, метрическая дeсть равна 56 листам.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://mayakovskylvladimir.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!